

Николай Добролюбов

А. В. Кольцов

Николай Александрович Добролюбов

А. В. Кольцов

«...Кольцов до последнего времени не пользовался у нас такой известностью, какой можно бы желать для него и какой он заслуживает. Правда, некоторые из его песен распространяются в публике и возбуждают сочувствие благодаря тому, что они положены на музыку и могут быть петы в обществе, с аккомпанементом фортепьяно. Но это случайное знакомство с двумя-тремя песнями весьма немногих приводит к более близкому и серьезному изучению произведений поэта. До сих пор еще много можно встретить людей, которые знают и ценят Кольцова только как простолюдина-самоучку, выучившегося писать недурные стихи. Действительно, и это обстоятельство само по себе стоит того, чтобы обратить на него наше внимание...»

Содержание

Глава I	.0005
Глава II	0032
Глава III	0048
Глава IV	.0066
Глава V	0088
Глава VI	.0110
Примечания	0135

**Николай Александрович
Добролюбов
А. В. Кольцов**

Глава I

Замечательные русские люди из простого звания. Кольцов. Чем он замечателен. Значение лирической поэзии вообще и песни в частности. О характере русских народных песен. Как сочинялись у нас подражания им до Кольцова. Отличие песен Кольцова от этих подражаний и от самых народных песен.

Кольцов до последнего времени не пользовался у нас такой известностью, какой можно бы желать для него и какой он заслуживает. Правда, некоторые из его песен распространяются в публике и возбуждают сочувствие благодаря тому, что они положены на музыку и могут быть петы в обществе, с аккомпанементом фортепьяно. Но это случайное знакомство с двумя-тремя песнями весьма немногих приводит к более близкому и серьезному изучению произведений поэта. До сих пор еще много можно встретить людей, которые знают и ценят Кольцова только как простолюдина-самоучку, выучившегося писать недурные стихи.

Действительно, и это обстоятельство само по себе стоит того, чтобы обратить на него наше внимание. Не удивительно, в самом деле, если является умный и образованный человек из такого семейства и вообще в том классе общества, где с первых лет жизни ребенка прилагают все старания, чтобы сделать его образованным. Нужно, напротив, с удивлением и сожалением смотреть на то, когда выходят пустые и ничтожные молодые люди из детей, которым даны все средства приобрести необходимые познания, развить свои умственные способности и сделаться людьми дельными и полезными. К несчастью, подобное явление очень нередко, и чрезвычайно забавно бывает слушать рассуждения подобных пустых людей *об образованности*. Получивши кое о чем самые поверхностные понятия, они все-таки считают себя образованными и с презрением отзываются о простолюдине. И если из простых людей явится какой-нибудь человек, которого всё признают замечательным, они с удивленной говорят об этом, как о необъяснимом исключении. А между тем дело совершенно понятно. Что простолю-

дины вообще менее образованны, – это зависит от того, что у них весьма мало средств получить образование. Зато, если какое-нибудь благоприятное обстоятельство поможет, крестьянский мальчик нередко образуется и развивается с удивительною быстротою. Это, без сомнения, зависит от того, что поселяне наши живут ближе к природе. Если мы обратимся к истории, то найдем, что из простолюдинов наших очень нередко выходили люди, отличавшиеся и силой души, и светлым умом, и чистым благородством своих стремлений, в самых трудных положениях, на самых высоких степенях государственных, в самых разнообразных отраслях наук и искусств. Вспомним, напр., темного мещанина нижегородского, Минина, спасавшего Россию в то время, когда не было в ней ни царя, ни порядка, ни заготовленных заранее сил... Вспомним другого простолюдина, костромского мужика Суанина, твердо и непоколебимо верного своим понятиям о долге, бесстрашно пожертвовавшего жизнью для спасения царя, в котором видел спасение всей России. Приведем себе на память Никона, крестьянского сына

из бедной деревушки Нижегородской губернии, сделавшегося потом патриархом и одним из образованнейших людей своего времени. Обратим внимание на тех знаменитых людей, которые из низкой доли возвысились и прославились в разных отношениях при Петре и его преемниках. Меншиков, по прекрасному выражению поэта, этот «полудержавный властелин»{1} при Петре, мальчиком бегал по улицам, продавая пирожки... Шафиров, бывший потом государственным канцлером, первый наш дипломат в истинном смысле этого слова, был взят Петром из сидельцев мелочной лавки... Подобных примеров возвышения простолюдинов в государственном смысле мы могли бы насчитать много. Не менее личностей представляется и в области науки и вообще просвещения. Наш первый ученый, заключавший в себе, как сказал Пушкин, целую академию и университет{2}, человек, трудившийся с такою пользою почти во всех родах знания, – Ломоносов, был архангельский мужик по происхождению. Наш знаменитый механик, которому удивлялись иностранцы и которого так уважала Екатери-

на II, – Кулибин, был нижегородский мещанин... В Курске живет до сих пор замечательный астроном – мясник Семенов....

В ряду таких имен видное место занимает и имя Кольцова. Простое его происхождение, действительно, в глазах наших дает новую цену его произведениям. Но мы очень ошиблись бы, если бы подумали, что Кольцов *только* тем и замечателен... Нет, в его произведениях много таких достоинств, которые высоко ценятся во всяком поэте, каково бы ни было его происхождение. Поэтому его никак нельзя сравнивать с другими крестьянами-стихотворцами, которых у нас было также не мало. Напр., у нас же двадцать пять тому назад много говорили о Слепушкине, простолюдине, который тоже писал много стихов. Стихи эти были в самом деле довольно гладки, в некоторых видно было искреннее чувство, и многим интересно было читать его стишки, чтобы удивляться в них, как это русский простолюдин-самоучка дошел до того, что пишет не хуже многих других, ученых и образованных людей. Но если бы эти стихи написал человек в самом деле образованный,

об них сказали бы все, что они не стоят внимания, и никто бы не стал их читать... Не таковы стихи Кольцова. Они были бы замечательным, необыкновенным явлением даже и в том случае, если бы их написал и не просто людин, а поэт, получивший самое полное образование.

Но чем же особенно замечателен, какое важное значение может иметь человек, целый век свой сочинявший песни и только в песнях показавший весь свой талант?

Такого рода вопрос могут предложить многие, потому что многие считают поэзию и вообще искусство пустым препровождением времени, прихотью, роскошью, не имеющею никакого существенного значения в жизни. Для того чтобы ответить на это предубеждение, нужно обратиться к самым началам, на которых основывается существование поэзии, и объяснить, в чем состоит существование ее и в чем заключается большее или меньшее достоинство поэта.

Поэзия, основывается на нашем внутреннем чувстве, на влечении нашей души ко всему прекрасному, доброму и разумному. Поэто-

му ее нет там, где участвует только какая-нибудь одна из этих сторон нашей духовной жизни, подавляя собою обе другие. Напр., прекрасно сшитый фрак, как бы он ни был прекрасен, не заключает в себе ничего поэтического, потому что тут нет ничего ни доброго, ни умного. Точно так – отдать в назначенный срок занятые деньги – дело доброе и честное, но оно не заключает в себе поэзии, потому что мы не видим в нем ни особенного умственного развития, ни изящества. Таблица умножения опять вещь очень умная, но нимало не поэтическая, так как ни красоты, ни добра, собственно, в ней мы не находим. Таким образом, высшая поэзия состоит в полном слиянии этих трех начал, и чем более поэтическое произведение приближается к этой полноте, тем оно лучше. Чтобы удовлетворить требованию добра, оно должно непременно быть *благородно* и *честно*; оттого нам не нравятся, напр., стихотворения, в которых расточается подлая лесть, как бы эта лесть ни была хорошо выражена. Чтобы иметь значение пред судом ума, поэтическое произведение необходимо должно заключать в себе

мысль: никого, напр., не приведет в восторг простое перечисление нелюбопытных предметов или рассказ о каком-нибудь ничтожном происшествии, не заключающем в себе никакого внутреннего смысла. Всякий спросит: что же из этого? какая же мысль в этом рассказе?... Но всего более требуется условий от поэтического произведения в отношении к чувству. Против него-то часто, погрешают люди, принимающиеся за поэзию. Они нередко рассказывают о каком-нибудь обыкновенном поступке или излагают стихами свои убеждения и воображают, что это поэзия. Но на деле выходит, что они, увлекшись своими мыслями или добрыми стремлениями, не позаботились вовсе о чувстве, и потому, вместо поэзии, пустились в дидактику, т. е. в холодные рассуждения. Чувство наше возбуждается всегда живыми предметами, а не общими понятиями. Если даже, напр., читая какое-нибудь рассуждение, мы вдруг ощущаем в душе чувство приятное или неприятное вследствие мыслей, в нем изложенных, то это может случиться не иначе, как когда мы живо представим себе предмет, о котором тут говорится. В

этом представлении общая мысль непременно получит для нас какой-нибудь определенный образ, напр., от понятия бедности мы можем перейти к представлению бедняка, голодного, в рубище и пр., от понятия счастья – к представлению какой-нибудь картины жизни, в которой мы сочли бы себя счастливыми, и т. п. На этом основании для поэзии необходимы живые, определенные образы, чтобы она могла удовлетворить нашему чувству. А могут явиться в душе эти образы только тогда, когда мысль, которую хотим мы развить, в поэтической форме, не только хорошо понята нами, но и вполне живо и определенно представляется нашему сознанию, так что легко возбуждает чувство в душе человека. В этой-то стороне и заключается главное отличие так наз. поэтических натур. Понять истину может всякий умный человек; *стремиться к добру* должен и хочет всякий человек, не лишенный благородства души. Но *сильно почувствовать* и правду и добро, найти в них жизнь и красоту, представить их в прекрасных и определенных образах – это может только поэт и вообще художник.

Строго говоря, поэтическое чувство есть почти во всяком человеке. Чрезвычайно трудно найти таких грубых и холодных людей, на которых ничто не производило бы впечатления, которые были бы равнодушны ко всему на свете. Но в обыкновенных людях чувство это проявляется очень слабо и нередко заглушается разными житейскими расчетами и обстоятельствами. В поэте же оно развивается весьма сильно, является господствующим над другими сторонами души и выражается очень ярко, несмотря на все внешние препятствия.

Впрочем, и в самих поэтах чувство это бывает различно, как в степени своей силы, так и в направлении. Смотря по разным обстоятельствам жизни и по самому природному темпераменту, чувство поэта может обращаться преимущественно в ту или другую сторону, как и вообще это бывает у прочих людей. Как, напр., часто встречаются в обществе прекрасные рассказчики, которые умеют живо и занимательно передать анекдот, происшествие, но не могут определенно и верно описать предмет и передать впечатление, ка-

кое он производит. Другие, напротив, именно отличаются умением изображать предметы и так прекрасно их описывают, что они представляются слушателям как живые и вследствие того легко возбуждают в душе их глубокое чувство. Есть и третий род рассказчиков, которые умеют так живо подметить особенности людей и предметов, что просто представляют их, подражая им голосом, телодвижениями, изменениями лица и пр. Это самый живой род рассказчиков... То же бывает и в поэзии. Одни поэты преимущественно умеют хорошо рассказать происшествия, случающиеся в жизни. Это называется *эпической* или повествовательной поэзией, к которой относятся поэмы, романы, повести, сказки и пр. Другие особенно хорошо могут изображать предметы и передавать то чувство, то впечатление, которое эти предметы возбуждают в душе. Это поэзия *лирическая*, к которой относятся все почти роды мелких стихотворений и которая названа так оттого, что в древности все подобные стихотворения пелись, и это пение сопровождалось игрою на лире. Наконец, есть поэты, которые, ничего не говоря сами от

себя, выводят перед нами разные лица и заставляют их говорить и вступать в различные отношения между собою: это *драма*, под которой разумеется и комедия и вообще всякое театральное представление. Эти три рода и составляют всю область поэзии. Других родов, кроме этих, нет.

Разумеется, нужно помнить, что и здесь нельзя совершенно отделять этих трех родов в поэтических произведениях. И в повести часто разные лица вступают в разговоры и сами действуют так, что автор от себя не говорит уже за них; и в драме бывают речи, полные лирического чувства; и в лирическом стихотворении может быть введен рассказ для того, чтобы еще сильнее возбудить чувство. Без этого смешения нельзя обойтись, потому что и в жизни оно беспрестанно встречается, а поэтическое создание тогда и хорошо, когда оно живо и верно раскрывает перед нами все, что есть в жизни. Различие между тремя родами поэзии основывается не на исключительном, а только на преимущественном участии в произведении – или *описания*, или *рассказа*, или *действия*.

Из трех, названных нами, родов поэзии *лирический* распространен всего более. В самом деле, мы беспрестанно испытываем различные впечатления от предметов, беспрестанно в душе нашей появляются мимолетные, разнообразные чувствования. Каждое из таких впечатлений и чувств может дать содержание для лирического стихотворения. И поэт, изображая такие впечатления и чувства, оказывает большую услугу людям: без него много прекрасных чувств и благородных стремлений было бы забыто нами; они появились бы в нас на минуту и тотчас исчезли бы под влиянием разных житейских забот и мелочей. Поэт, умеющий прекрасно изобразить сердечное чувство, дает нам прочное напоминание о нем и вновь вызывает из глубины души то, что прежде было заглушено в ней разными внешними обстоятельствами. Поэтому-то достоинство поэта зависит, с одной стороны, от того, как сильно в нем поэтическое чувство, а с другой – от того, на какие предметы и на какие стороны предмета оно обращается. Последнее зависит уже от умственного развития. Есть такие поэты, которые, кроме

живости чувства, ничего не имеют. Они до того ограничены умственно, что целый век могут петь все на одну какую-нибудь часто ничтожную тему, и то ясно не понимая ее. Иные, напр. во множестве стихотворений все толкуют о какой-то неопределенной грусти; а о чем они грустят, – это сами они хорошенько не понимают. Другие все восхищаются чем-то, уверяя, что жизнь и мир хороши; но почему хороши, как и в чем именно видно хорошее, прославляемое ими, – это для них самих чрезвычайно темно... Такие поэты, имея очень мало *мыслей* в своей поэзии, не могут иметь важного значения. Есть также и другого рода поэты, тоже мало развитые умственно, хотя и знающие довольно многое. Они обращаются к изображениям разных предметов и чувств, но не умеют при этом просто и верно взглянуть на предмет, чтобы тотчас схватить его существенные, главные стороны. Какие-нибудь неважные черты, совершенно случайные, без которых легко обойтись, кажутся им необходимыми, а главное и необходимое остается в стороне. Произведения таких поэтов опять не могут иметь особенных

поэтических достоинств, оставаясь совершенно ничтожными и даже смешными перед судом людей, понимающих вещи как следует...

С другой стороны, и умные люди могут быть очень плохими поэтами. У них часто рассуждения заменяют чувство, и в душе нет той *чуткости*, той восприимчивости, которая делает поэта весьма чувствительным ко всякому явлению природы и жизни. Они или вместо живого изображения дают нам общие фразы, которые всегда скучны, или, не чувствуя поэзии в простоте и естественности явления, которое берутся изображать, прибегают к преувеличениям и украшениям, создавая чудовищные, неестественные образы, каких нет и не может быть в природе. Такие поэты опять не могут иметь никакого значения, потому что они не удовлетворяют поэтическому чувству, живущему в душе каждого человека.

Из всего, что мы сказали, можно уже видеть, что поэзии лирической никак нельзя отказать в важном значении для общества. Это значение является и в *песне*, как одном из видов лирической поэзии. Именем *тени* вообще

называют всякое лирическое стихотворение, и даже вообще поэзию называют *песнопением*. Но собственно под *песней* принято разуметь небольшое лирическое произведение, которое удобно для пения и в котором выражается внутреннее чувство, возбужденное явлениями обыкновенной жизни. Такие песни существуют у всех народов, но, по свидетельству всех занимавшихся исследованием народной поэзии, ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними русские. У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями; подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. Собирается зимой молодежь крестьянская на посиделки, и здесь раздаются песни; приходит весна, выходят поселяне встречать ее, составляют хороводы, завивают венки и при этом непременно поют песни. Едет крестьянин пахать землю, он облегчает труд свой песней; собираются крестьяне жать, косить в знойную рабочую пору, и здесь песня звучит между ними, освежая их

среди тяжелых трудов. Провожают лето, празднуют уборку хлеба, – опять с песнями. Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь его. Собирается ли молодец жениться, его сватанье, девишник, свадьба – все это непременно оглашается песнями, готовыми нарочно на этот случай. Настает ли тяжелая разлука с семейством, мать провожает сына, жена мужа – с рыданиями, причитаниями и пением. Умирает ли человек, над ним раздаются похоронные, печальные песни... Так ли, почему-нибудь нападет грусть-тоска на душу, она сейчас изливается в грустной песне... Веселье ли заберется в сердце, и оно не удержится в нем без того, чтобы не выразиться в удалой, разгульной песне...

Но у нас мало песен веселых... Большая часть наших народных песен отличается тяжелой грустью. То в них плачет мать по сыне или невеста по жениху; то молодая жена жалуется на суровость мужа и злость свекрови; то добрый молодец на чужой дальней стороне тоскует по родине, в разлуке со всеми милыми его сердцу; то бедняк, убитый своим го-

рем, сокрушается, что ничего не имеет и живет в презрении. Во всем видно желание чего-то, стремление к какой-то лучшей доле, какой-то порыв души, но порыв неопределенный, странный, часто уничтожающийся сам собою. Порой выражается в песне какой-нибудь отчаянный, удалой порыв, и часто этот порыв бывает и неразумен, и несогласен с нравственностью общественною...

Много в этих песнях чувства; но, как видим, мало разумности, потому что стремления большею частью бессознательны. Не везде видно и добро. Поэтому они не могут, говоря вообще, стоять очень высоко в поэтическом отношении, хотя и есть между ними произведения очень поэтические. Во многих находим прекрасные изображения природы, хотя здесь заметно сильное однообразие, которое отчасти объясняется общим грустным характером песен: обыкновенно в них представляется пустынная, печальная равнина, среди которой стоит несколько деревьев, а под ними раненый или убитый добрый молодец; или же несколькими чертами обрисовывается густой туман, павший на море, звез-

дочка, слабо мерцающая сквозь туман, и девушка, горюющая о своей злой судьбе. Нигде почти нет светлых, радостных картин природы или ужасных, бурных ее явлений. Все полно тихой грусти, часто переходящей в горькую иронию, а иногда разрешающейся отчаянным удалым порывом.

Народные наши песни долго не обращали на себя внимания и даже навлекали презрение многих в прошлом столетии. Но когда мало-помалу распространились и утвердились у нас более правильные понятия о поэзии вообще, тогда оставили предубеждение против народных песен, стали их собирать и даже подражать им. Но подражания эти были решительно неудачны, потому что авторы их приступали к делу совершенно неискусно и притом с ложными взглядами на поэзию, заранее составленными. Они не хотели понять, что достоинство поэта заключается в том, чтобы уметь уловить и выразить красоту, находящуюся в самой природе предмета, а не в том, чтобы самому выдумывать прекрасное. Они воображали, что природа недостаточно хороша и что нужно украшать ее. Поэтому и

народные песни показались им дикими и грубыми, потому что в них верно и без всяких прикрас отражается грубый быт простолюдинов. Таким образом, они постарались откинуть все, что напоминает о действительной жизни, т. е. откинуть всякую поэзию, и на место того придумали одеть мужиков в поэтические кудри да в богатые кафтаны, баб нарядить в великолепные кокошники и душегрейки, сделать их сентиментальными пастушками и придать им приторные, ненатуральные, небывалые чувствованьица. Из этого вышли риторические фразы, не заключающие в себе никакой поэзии; но тогда все подобные сочинители думали, что они хорошо делают, поправляя и украшая таким образом природу. В этом роде много писали у нас в конце прошедшего столетия; тогда появились и идиллии, и элегии, и песни, взятые из народного быта, но страшно украшенного, т. е. искаженного. То же старание представлять все не в простом, естественном виде господствовало тогда, по подражанию французам, и во всей нашей литературе; и те же сентиментальные, приторные чувства находим мы во

множестве песен, которые сочинялись тогда по образцу народных и имели большой успех. Так, известны сочинители подобных песен: Карабанов, Николев, Нелединский-Мелецкий. Многие их песни положены были на музыку и проникли даже в народ, т. е. в те сословия его, которые начинали уже удаляться от первоначальной простоты жизни, но еще не достигли до образованности. Каковы эти песни, можно видеть из нескольких примеров. Вот, напр., песенка Карабанова, в свое время бывшая в большом ходу:

*Лети к моей любезной
Ты, песенка моя,
Представь ей рок мой слезный, —
Скажи, как страстен я.
Поди в прелестны руки,
Предстань ее очам,
Скажи сердечны муки
Небесным красотам.
Скажи, что лучшей доли
Не стану я желать,
Как сладкой лишь неволи —
Ее закон внимать...*

И так далее – еще 40 стихов, в которых повторяются всё одни и те же риторические

фразы. Нет ни жизни, ни естественности, ни мысли. А это еще едва ли не лучшая песня Карабанова...

Или вот еще песня, известная в целой России, сочинения Нелединского-Мелецкого:

*Выду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси ты мое горе,
Быстра реченька, с собой.
Нет, унести с собой не можешь
Лютый горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.
За струей струя катится
По склоненью твоему;
Мысль за мыслью так стремится
Все к предмету одному... – и пр.*

Вся песня очень длинна, и продолжение несравненно хуже начала. Здесь видно старанье подделаться под народный тон – обращением к реке, как это часто делается в русских песнях. Но далее сейчас является книжное сравнение мыслей со струями реки и неловкий оборот поэтической речи в оговорке: «Нет, унести не можешь». И во всем тоне пес-

ни так и видно, что тут говорит не искреннее чувство, вырвавшееся из души, а просто риторические, холодные фразы, придуманные на досуге... С течением времени понятия о том, что можно считать прекрасным в поэзии, несколько изменились, в народных песнях признали действительные их достоинства и стали по всей России собирать их. Г. Сахаров издал сборник песен народных в пяти частях. Кроме него, и другие издавали небольшие собрания песен. Обширное собрание песен составлено г. Киреевским, который, однако, умер недавно, не успевши окончить своего дела... Узнавши лучше, чем прежде, подлинные народные песни, писатели наши стали несколько более приближаться к ним и в своих подражаниях. Из таких писателей замечательнее других были Мерзляков, барон Дельвиг и Цыганов. У них встречаются места, близко подходящие по духу своему к нашим народным песням; есть даже целые песни, хорошо выражающие чувства грусти, тоски и т. п. Так, напр., у Мерзлякова есть прекрасная песня: «Чернобровый, черноглазый», у Дельвига: «Ах ты, ночь ли, ноченька» и пр. Но и у

них все еще очень мало чисто русского, народного. Чувства, выражаемые в их песнях, принадлежат не простым людям, живущим близко к природе, говорящим просто и естественно, а таким людям, которые нарочно стараются быть дальше от естественности и которые, по прекрасному выражению Грибоедова (в «Горе от ума»), —

*Словечка в простоте не скажут,
Все с ужимкой.*

Вот, напр., одна из лучших песен Дельвига, имевшая большой успех еще в недавнее время:

*Пела, пела пташечка
И затихла.
Знало сердце радости,
Да забыло.
Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Что ты, сердце, сведалось
С черным горем?
Ах, сгубили пташечку
Злые люди;
Погубили молодца
Злые толки.*

*Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий.
На море валы шумят,
Да не вьюги;
В лесе звери лютые,
Да не люди.*

В этой песне форма как будто народная; но стоит немного всмотреться в нее, чтобы увидеть, какая это неудачная подделка. Самое сравнение молодца с пташечкой совершенно не в духе русского народа. Сравнение это проведено по всей песне так формально, ровно — через два стиха, что становится совершенно мертвым, пустым приношением, без всякого участия сердечного чувства. Как придуманное, а не естественное, сравнение это и неверно само по себе: в начале песни губят пташечку *злые люди*, а в конце она летит к морю, чтобы спастись от *вьюги*; вьюги эти сравниваются, значит, с злыми толками, погубившими молодца, а звери лесные ставятся в параллель с морскими волнами. Как и почему все это выходит — нечего и спрашивать. Да и ос-

новная мысль пьесы, что молодец бежит в лес от злых толков, решительно нейдет к нашему простому, умному народу: она могла родиться разве только у человека, прожившего между сплетнями светского общества.

От всех этих песенок песни Кольцова отличаются, как небо от земли. В его стихах впервые увидели мы чисто русского человека, с русской душой, с русскими чувствами, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие. Его песни по своему духу во многом сходны с народными песнями, но у него более поэзии, потому что в его песнях более мыслей, и эти мысли выражаются с большим искусством, силою и разнообразием, потому что чувства его более глубоки и сознательны и самые стремления более возвышенны и определены. Обстоятельства жизни, поставивши Кольцова близко к народному быту, с одной стороны, дали ему возможность узнать истинные нужды народа и проникнуться его духом. Но, с другой стороны, те же обстоятельства, возвысивши Кольцова некоторым образованием, сделали то, что все, бывшее в

народе грубым, бессознательным, неопределенным, явилось в Кольцове обработанным, разумным, определенным.

Каким образом он дошел до этого, объясняет нам его жизнь, с которой непосредственно связана вся его поэзия. Мы обратимся теперь к рассказу об этой замечательной жизни, а потом представим несколько частных замечаний о различных особенностях, заключающихся в поэзии Кольцова, и особенно в тех его стихотворениях, которые носят название русских песен.

Глава II

Детство Кольцова. Его отец; первые годы жизни, начальное воспитание; училище, домашние занятия; пребывание в степи; любовь к природе; страсть к чтению; дружба.

Алексей Васильевич Кольцов родился в 1809 г., 2 октября{3}, в Воронеже. Отец его был воронежский мещанин, не богатый, но имевший некоторый достаток. Промысел его состоял в торговле баранами, которых он доставлял большею частью на салотопенные заводы, существующие в том краю. Отец Кольцова не был настолько образован, чтобы ценить пользу, просвещения и желать его для своего сына. Это был, сколько можно судить по некоторым намекам в жизни Кольцова, человек неглупый, ловкий, умевший хорошо обделывать свои дела и готовый употреблять даже не совсем чистые средства для своей выгоды, — дело, впрочем, слишком обыкновенное в нашей мелкой торговле вообще. Но, несмотря на свою практическую смышленность, отец Кольцова совершенно не имел то-

го умственного развития, которое облагораживает человека и внушает ему лучшие и высшие стремления. Он весь погружен был в коммерческие сделки, вечно хлопотал только о своих барышах и потому, естественно, не мог оценить, как следовало, дарований и стремлений своего сына. В первые годы своей жизни Кольцов оставлен был решительно без всякого надзора и попечения. Никто не заботился не только о его умственном и нравственном развитии, но даже и о сохранении его телесного здоровья и жизни. И ныне часто можно видеть в селах и небольших городах целые толпы мальчиков и девочек, от пяти до десяти лет, бегающих по улицам без всякого призора. Они обыкновенно босоноги, запачканы, не причесаны, не умыты, бегают где и как попало, ссорятся, дерутся между собою. Нередко тут схватывают они опасную простуду, или другую болезнь, или какое-нибудь увечье, и с этим остаются на всю жизнь. В таком точно положении был Кольцов в раннее свое детство, и он, как многие, поплатился здоровьем за небрежение старших. Бродя босиком по траве и лужам, он схватил опасную

болезнь, от которой чуть было совсем не лишился употребления ног. Его принялись лечить на этот раз и вылечили, но тем не менее болезнь эта и впоследствии нередко отзывалась ему.

При таком небрежении нельзя было и ожидать, чтобы натура мальчика развивалась совершенно хорошо. Однако, при всем этом, его естественные способности и расположения взяли свое. Там, где другие дети видят только случай к дурачествам, лени и безнравственному развитию, Кольцов нашел запас прекрасных впечатлений и возможность приблизиться к вечно живым красотам природы. Он нередко убегал в лес, в степь со стадами отца и там еще бессознательно, но, конечно, уже не без участия пробуждающегося поэтического чувства, предавался наслаждению природой, которую он впоследствии так хорошо изображал в своих песнях. Замечено, что впечатления, какие мы получаем в детстве, бывают всегда чрезвычайно сильны, живы и долговечны, оставляя в душе неизгладимые следы на всю последующую жизнь. Поэтому, судя по стихотворениям Кольцова, мы

можем заключить, что его в первые годы жизни более поражали чистые, живые явления природы, нежели те грязные, пошлые, мелкие, нередко безнравственные случайности, которых он мог бы насмотреться дома, в торговых отношениях отца. Таким образом, и то, что могло бы погубить другого ребенка, самый недостаток надзора и заботливости старших в первоначальном воспитании, послужило Кольцову в пользу, сблизивши его с природой и охранивши от мелочных дразгов грубой жизни...

Не считая нужным давать хорошее образование своему сыну, отец Кольцова просто хотел сделать из него способного помощника себе в хозяйстве и промысле. Но он умел сообразить, что и для этого нужны же некоторые знания, и потому решил, наконец, что надобно выучить сына грамоте.

Кольцову уже было девять лет, когда он начал учиться читать у какого-то из воронежских семинаристов. Можно было бы ожидать, что, привыкши до этих пор бегать по своей воле, он очень неохотно сядет за книгу. Но натура мальчика была так хороша, что сама

стремилась к знанию, и грамота далась Кольцову весьма легко. Скоро он выучился читать и для дальнейшего продолжения ученья отдан был отцом в Воронежское уездное училище. Нет никаких сведений о том, как он учился там: но очевидно, что он успел узнать очень немного в то время, которое пробыл в школе. Вероятно, и здесь он не отставал от других, потому что был переведен во второй класс; но в этом классе он пробыл всего только четыре месяца. Отец его, видя, что мальчик выучился уже читать, писать и считать, решил, что более учиться ему совершенно не нужно, и взял его из училища для того, чтобы он удобнее и легче мог помогать ему в хозяйственных делах. Не знаем, с каким чувством тогда Кольцов оставлял училище; может быть, как большая часть мальчиков, он и рад был тогда, что избавляется от школьной премудрости. Но зато впоследствии, в продолжение всей своей жизни, он постоянно с сожалением вспоминал об этом обстоятельстве, лишившем его возможности приобрести даже первоначальное образование. Как ни глубок был его природный ум, как ни светла голова,

как ни много впоследствии работал он сам для образования себя, — но всего этого было недостаточно для того, чтобы вознаградить потерянные годы детства и отрочества, проведенные им без всякого ученья.

Одно доброе последствие, которое осталось в нем от училища, это была страсть к чтению. Стремление к приобретению познаний, к умственным занятиям никак не могло совершенно заглухнуть в нем. Оно было в нем, как во всех умных и неиспорченных детях, даже сильнее общей и естественной в эти лета страсти к игрушкам и лакомствам. Лаская и награждая сына, как умного мальчика и хорошего помощника своего, отец Кольцова иногда давал ему несколько денег на пряники и игрушки. Многие не одобряют обычая давать деньги детям, не умеющим еще употреблять их, и это отчасти справедливо. Но, с другой стороны, натура ребенка, его нравственные расположения и даже степень умственного развития могут чрезвычайно ясно выразиться именно в том, *на что* и как употребит он свои деньги... Кольцов употреблял их *на покупку книг*. Видно уже и из этого, как сильна

была в нем потребность образования и хотя какой-нибудь умственной деятельности. Но само собой разумеется, что, не получивши даже первых начал общего образования, Кольцов не мог обратить своего внимания на что-нибудь действительно важное и серьезное в области науки или искусства. Ему нужно было чтение, которое было бы доступно его уму, не развитому учением. Такое чтение нашел он в русских сказках. Сказки эти, совершенно далекие от действительного быта, изображающие какой-то фантастический, неясный мир чудес и мечтаний, где все делается не по естественным законам, а по щучьему веленью да по «заветному» слову, – эти сказки, не требуя для понимания их особенного научного приготовления, пришлись как раз по плечу мальчику Кольцову. Ум его не встречал здесь непонятных трудностей, а между тем воображение было занято удивительными приключениями, которые в них рассказываются; для чувства также занятие – с участием следить за судьбою героя сказки. Не мудрено поэтому, что Кольцов пристрастился к чтению русских сказок, как ни плохи они сами по себе. Он по-

купал дешевые лубочные издания сказок, и особенное его восхищение возбуждали Еруслан Лазаревич и Бова Королевич. Чтение это развивало, конечно, его пылкое воображение и вообще производило сильное впечатление на страстную натуру его. Может быть, подобные впечатления, развившись слишком сильно, были бы даже и вредны для его нравственного развития. Но тут, как всегда, спасла его близость к природе и живая деятельность. Маленький Кольцов и в 11–12 лет не имел уже времени празднично предаваться пылким фантазиям. Мы видели, что отец взял его из училища совсем не за тем, чтобы он мог на свободе читать и мечтать, а для того, чтобы иметь в нем помощника себе. Поэтому с 12 лет Кольцов вошел уже в подробности промысла своего отца. Эти промышленники, перегоняющие скот и торгующие им, называются у нас *прасолами*, и оттого нередко можно услышать присвоенное Кольцову имя *поэта-прасола*. Ремесло прасола отчасти приучало мальчика к действительной жизни, отчасти же сильно помогало сближению его с природой. В Воронежской губернии для выго-

на скота существуют, не так далеко от самого Воронежа, целые роскошные, обширные степи. Там обыкновенно, во время лета, гулял скот, принадлежавший отцу Кольцова. Хозяин по временам навещал свои стада, чтобы сделать нужные распоряжения, а в эти поездки брал с собою и сына. Иногда ему приходилось оставаться там по нескольку дней, и тут вполне разыгрывалось и удовлетворялось поэтическое чувство мальчика. Он радостно всматривался в прозрачную даль широкой степи; прислушивался к простому говору временных ее обитателей – чумаков, пастухов; чуял своим сердцем живые впечатления от веселого пения птички, и красоты весенней травки, и порывы степного ветра, и все это превосходно умел изобразить потом в своих простых, но глубоких стихах. Вот как описывает он степь:

*Степь раздольная
Далеко вокруг, —
Широко лежит!
Ковылем-травой
Расстиляется.
Ах ты, степь моя.*

*Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась...*

В этих стихах видно живое, радостное упоение чувством широкого раздолья степи; подобное же светлое чувство наслаждения степной природой выражается и в следующих стихах:

*Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Певучими полным-полна...
Поют они и день и ночь...
То песенки чудесные...*

Но та же степь своим пустынным величием и тишиною навевала и грусть на душу поэта, как высказывается это, напр., в последних стихах стихотворения «Могила»:

*Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву
Мимо той могилы —
Сухую былинку.*

*Перекаати-поле;
Будит вольный ветер,
Будит, не пробудит
Дикую пустыню,
Тихий сон могилы.*

Тем же чувством полно стихотворение
«Путник»:

*Сгустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит;
Как черный полог, ночь висит;
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обшир-
ной,
Как тайный луч звезды призыв-
ной,
Зажжен случайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник, запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плетусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню...*

От этой жизни, от этой степи Кольцов не отрывался надолго во все продолжение своей жизни; но все же первые впечатления степ-

ной природы запали в его душу еще во время ранней юности, когда все наши чувства бывают так свежи и живы. В это время он свыкся со всеми удобствами и невыгодами, красотами и неприятностями степи. Иные дни он вполне отдавался наслаждению природой и деятельностью: то раскидывался он на свежей траве, под чистым небом, то по целым дням носился по степи на коне, перегоняя стада с одного места на другое, то располагается около огня,

*Где спела каша степняка
Под песнь родную чумака.*

Таким образом, здесь же он знакомится и с преданьями родной страны, как сам вспоминает впоследствии в одном из своих стихотворений:

*Бывало часто, ночью темной,
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной.*

Были, разумеется, и неудобства в этом поэтическом провозждении времени в степи. Не всегда она была цветами разубрана, не всегда

горячо пекло ее солнышко; случалось Кольцову бывать в ней и во время холодной осени, подвергаться влиянию холодного, порывистого ветра, ночевать на влажной земле, на холоду, бродить по грязи и слякоти. Но, не приученный к неге и имевший очень крепкое сложение, Кольцов не чувствовал от этого особенно вредных последствий.

Зимою занятия мальчика переменались. Отец посылал его на базар с своими приказчиками для закупки и продажи товара. Тут должен был Кольцов познакомиться со всеми дрязгами мелочной торговли; ему приходилось видеть тут и грубую, грязную жизнь, и мелкие плутни и обманы, и пошлости людей, которые сталкивались с ним. Будь в нем менее ума и благородства, не будь в его душе глубокого поэтического чувства, трудно было бы ему уберечься от дурных влияний. Но он умел сохранить и здесь чистоту души своей и остался поэтом и человеком благородным.

Отдыхом от этих торговых занятий опять служили ему книги. Возвращаясь домой, во время зимы, он принимался за чтение, которое теперь становится у него разнообразнее и

принимает несколько другое направление. Этому помогло следующее обстоятельство. В училище Кольцов сблизился и подружился с одним мальчиком, сыном богатого купца, ровесником ему по годам. Дружба их продолжалась и по выходе Кольцова из училища и отличалась сердечным и благородным направлением. Она была основана не на том, что маленькие друзья играли вместе и помогали друг другу в детских шалостях. Напротив, они сошлись потому, что оба страстно любили чтение и вместе читали попадавшиеся им книги. Отец приятеля Кольцова имел довольно много книг, и приятели целые дни проводили вместе в саду, читая романы Дюкре-Дюмениля, Августа Лафонтена и пр. Эти романы уже несколько выше русских сказок по искусству рассказа; но все еще в них очень много сказочного. Они совсем не похожи на современные романы и повести, в которых мир и жизнь описываются так, как они в самом деле существуют. Там все преувеличено, все необыкновенно, все представлено так, как никогда не бывает в действительной жизни, и потому немножко уродливо. Но Кольцов,

свыкшийся с простой и не совсем привлекательной действительностью, рад был отдохнуть в этом воображаемом мире, рад был помечтать над судьбою романтических героев; на него эти рассказы —

*Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили в край
Заколдованный...*

Особенно нравились ему арабские сказки, которые доставляли обильную пищу его воображению своими волшебными, занимательными рассказами и роскошными описаниями.

Так прошло три года. Кольцову было уже лет 14, когда его поразил внезапный удар, нанесенный его дружбе. Приятель, которого он так полюбил, с которым делил до сих пор лучшие свои чувства, которому он обязан, может быть, лучшими минутами своей отроческой жизни, — умер от болезни. Это было первое несчастье, поразившее чувствительное сердце Кольцова. Он глубоко и тяжело горевал о погибшем друге, с которым находил отраду для своего сердца. К нему, кажется, обращал-

ся он в 1828 г, в стихотворении «Ровеснику»:

*О чем, ровесник молодой,
Горюешь и вздыхаешь?*

.....

*Страшна ли жизни темна даль
И с юностью прощанье?
Или нежданная беда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Так рано посетила?..*

Все это стихотворение, один из самых первых опытов Кольцова, еще очень слабо; но в нем все-таки заметно искреннее чувство, видна чистота и благородство стремлений, которые он питал в своей душе с самого раннего детства и без которых не мог бы быть столь замечательным поэтом.

Глава III

Первое знакомство Кольцова со стихотворениями и первые попытки собственного стихотворства. Воронежский книгопродавец. Дружба с Серебрянским. Семейные отношения.

Глубоко пораженный смертью своего приятеля, Кольцов долго не мог забыть его и находил некоторое облегчение своей грусти в перечитывании книг, оставшихся ему после молодого друга. Таким образом, благородная любовь к просвещению себя, к умственным занятиям поддерживала для Кольцова отношения дружбы, даже разрушенные смертью. Между тем, имея живой и здравый от природы ум, он скоро перестал довольствоваться и теми сказочными романами, которые до сих пор столько восхищали его, и решился искать чего-нибудь другого, лучшего. Он снова принялся покупать книги на те деньги, какие получал от отца. В Воронеже была в то время всего только одна книжная лавка, и мальчик Кольцов, столь ревностно покупавший и чи-

тавший книги, не мог не быть замечен купцом{4}. Это было полезно для нашего поэта. Однажды книгопродавец предложил ему купить стихотворения Дмитриева. Это были первые стихи, которые удалось читать Кольцову. В радости прибежал он домой с своим новым приобретением и тотчас отправился в сад, чтобы там на досуге и без всякой помехи заняться новою книжкой. С первых же строчек, прочитанных им, он понял, что тут написано как-то иначе, нежели все, что он прежде читал. Он стал всматриваться и разбирать незнакомый для него склад этих звучных строчек, и скоро нашел, что тут есть некоторое сходство в складе с песнями, которые приходилось ему слышать. Из этого он заключил, что стихи нужно не читать, а петь, и принялся у себя в саду распевать стихи Дмитриева. Скоро вся книжка была пропета; но этого мало было для Кольцова, заметившего, что стихи эти шевелят в глубине его души какое-то особенное, неопределенное, но сильное чувство. Ему захотелось самому сложить что-нибудь, что бы было так же складно и звучно. Вообще Кольцов принадлежал к числу таких

людей, которым необходима собственная, самостоятельная деятельность, и в этом заключается, между прочим, высокое превосходство его натуры. Есть люди, которые умеют повторять за другими то, что им сказано, умеют исполнить то, что велено, помнят и знают все, что слышали; но сами собою ничего не могут сделать. Такие люди навсегда останутся только исполнителями чужой воли, второстепенными, обыкновенными орудиями для общего дела, и никогда не выйдут из ряда других, не будут руководителями ни в каком деле, не скажут никакого нового слова. Напротив, есть другого рода люди, которые никогда не хотят бессознательно и слепо следовать за другими, никогда не ленятся сами думать и действовать, а стараются всегда пробовать собственные силы на том поприще, какое им представляется. От таких людей всегда можно ожидать дел замечательных. Такого рода человек был и Кольцов. Он никогда не мог ограничиться тем, чтобы только принимать впечатления, запоминать и усваивать их. Душа его постоянно просила деятельности, и он никак не мог удержать в себе стремление сде-

дать самому что-нибудь в том роде, который особенно ему нравился и поражал его. Еще когда читал он наши лубочные сказки, и тогда уже воображение его разыгрывалось, независимо от этих сказок, и в мечтах мальчика являлись разные чудесные происшествия, сцепление которых составляло цельные картины и истории, но которые никогда им не были записаны и скоро позабыты. Читая романы Лафонтена и Дюкре-Дюмениля, Кольцов тоже пытался сам создать в голове своей что-нибудь в том же роде; но это было выше сил его, и желание осталось неосуществленным.

Теперь опять сильно захотелось ему по-пробовать своей силы в сочинении стихов. Он не знал, как за это взяться, потому что не знал не только правил стихосложения, но даже и грамматических правил языка: к орфографии он не мог приучиться даже во всю жизнь свою. Кроме этих затруднений четырнадцатилетнему мальчику, получившему такое скудное образование, какое получил Кольцов, мудрено было и сыскать предмет для своих стихов. Но желание его было силь-

но, он решился сделать что-нибудь, а решившись раз и попавши на свою дорогу, люди, подобные Кольцову, никогда не отстают от своего решения. Перебравши несколько предметов, он вспомнил рассказ одного своего товарища о сне, который ему привиделся и повторился три ночи сряду. Еще во время самого рассказа Кольцов был сильно поражен этим случаем, и теперь решился взять его как предмет для своего стихотворения. Выбравши время, когда мог быть один, не опасаясь помехи, Кольцов сел за дело. Не имея понятия о правилах стихосложения, он выбрал одну пьесу Дмитриева и стал подражать ее размеру, пробуя проверять слухом, выходит ли склад в написанных стихах. Сначала это было ужасно трудно для самоучки-поэта, и первый десяток стихов достался ему очень тяжело. Но потом, немножко прислушавшись к чтению стихотворной речи, следующие стихи Кольцов написал уже с гораздо меньшим трудом. В ночь готово было стихотворение, под названием «Три видения». Стихотворение это было чрезвычайно плохо, но теперь главное для Кольцова состояло в том, что он достиг уме-

нья складывать стихи, как бы ни было ничтожно их достоинство. «Три видения» он сам истребил впоследствии как произведение совершенно негодное. Однако же первый успех в стихослагательстве ободрил его, и он начал после этого слагать и другие стихотворения. Чтобы более ознакомиться с размером и сущностью поэтической речи, он поспешил купить себе сочинения Ломоносова, Богдановича, Державина. Вероятно, в первых его опытах отзывалось влияние этих писателей не только в составе стиха, но и в тоне и в устройстве целого произведения; но почти все свои стихи, писанные в то время, уничтожил сам автор, а в позднейших его стихотворениях совсем незаметно ничего ни ломоносовского, ни державинского: и язык и содержание их отличаются самобытностью и оригинальностью. Так на Кольцове оправдалось то замечание, что чем больше в человеке внутренней силы, чем выше собственная нравственная природа его, тем легче и скорее он освободится от всякого чужого влияния.

Кольцов совершенно увлекся стихотворством и даже почти перестал читать книги,

написанные прозою; ему все хотелось прислушиваться к гармонии стихов, любоваться игрою созвучий в рифме и плавностью поэтической речи. Он сам все продолжал свои стихотворные опыты, сочиняя по слуху и не умея еще хорошенько определить, в чем заключается разница стихов от прозы. Не надеясь на свои силы и желая найти совет и ободрение в ком-нибудь, начинающий поэт наш долго искал человека, которому можно бы было довериться и показать стихи свои. Но такого человека близко к Кольцову решительно не было. Приятель его уже умер; с другими он мало знался, да и едва ли они могли быть судьями в этом деле; а семействе своем Кольцов тоже не ожидал встретить сочувствие, а, напротив, опасался насмешек и брани, если бы решился обнаружить плоды своих поэтических занятий. Но таить от всех свои труды он уже не мог; ему непременно хотелось высказаться хоть перед кем-нибудь, получить хоть чье-нибудь одобрение или замечание. После нескольких соображений и колебаний он решил, что о деле литературном должен иметь некоторое понятие книгопродавец, так как он

все около, книг возится. Сделавши такое заключение, Кольцов отправился в книжную лавку и представил па суд книгопродавца «Три видения» и несколько других пьес, написанных им большею частью в подражание разным поэтам, которых читал он в то время. Книгопродавец, разумеется, был очень удивлен явлением мальчика с просьбою прочесть его стихотворения и дать о них свой суд. Однако же, к счастью Кольцова, это был человек не только добрый, но и неглупый, хотя и не получивший большого образования. Он прочитал стихи самоучки-поэта и откровенно объявил, что они ему не нравятся. Но вместе с тем он, как человек истинно честный, сознался, что не умеет объяснить, что и почему в них нехорошо, а что есть для этого особые правила, которых он не знает. Тут предложил он Кольцову книгу, которая заключает в себе полные наставления о том, как писать правильные и хорошие стихи, именно «Русскую просодию, изданную для воспитанников Благородного университетского пансиона в Москве»{5}. Кольцов был в таком восторге, как будто бы внезапно открыл новый мир. Он

и не подозревал, что могли существовать уже определённые правила для искусства, которое так много затрудняло его. Видя его восхищение, купец был тронут и заинтересован такой сильной страстью к поэзии. Как видно, он принадлежал к числу людей добрых и благородных, людей, готовых помогать своим ближним: он подарил Кольцову «Русскую просодию» и даже предложил ему давать книги для чтения безденежно. Поэт наш был вне себя от радости. Немедленно принялся он за изучение просодии, нашел там определение разных размеров, какими пишутся стихи, нашел правила, как пользоваться этими размерами, и механизм стиха стал для него уже делом довольно простым и легким. Тут же он с жадностью принялся за чтение. Теперь ему было из чего выбирать и уже не было необходимости перечитывать одни и те же старые книги, не нужно стало и покупать всякую дрянь, какая прежде попадетса под руку, потому что теперь он мог прочитать и узнать книгу прежде покупки. И в самом деле, с этого времени Кольцов покупал только те книги, которые особенно ему нравились. Так, скоро

приобрел сочинения Жуковского, Пушкина и Дельвига. У Дельвига особенно поразили его «русские песни». Он с радостью увидел, что барон и, конечно, ученый человек не пренебрегает песнями. До сих же пор Кольцов старался все писать правильным размером, подражая книжному изложению и формам стихотворцев, которых он читал. И в этом он скоро достиг некоторого успеха: стихи его были правильны и гладки, как свидетельствует стихотворение «Сирота», написанное им в 1825 г., когда ему было 16 или даже 15 лет. Приводим его, чтобы дать понятие о самом раннем из сохранившихся до нас опытов Кольцова и чтобы показать, в какой степени он владел уже в то время формой стиха:

*Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты,
Удалитесь, улетите,
От бездомной сироты.
Что ж вы, злые, что вы вьетесь
Над усталой головой?
Что вы с ветром не несетесь
В край неведомый, чужой?
Были дни, и я любила
Сны о радости земной;*

*Но надежда изменила.
Радость – сон в судьбе моей.
Наяву же, в облегченье,
Только слезы проливать,
И не верить в обольщенье,
И покоя не вкушать.
Не прельщайте ж, не маните,
Светлой радости мечты,
Унеситесь, улетите
От бездомной сироты!..*

В этом стихотворении совсем еще не видно той силы оригинальности и меткости выражения, которыми отличаются лучшие песни Кольцова. В самом содержании заметна немножко томная сентиментальность, какою отличались тогда Мерзляков, Дельвиг и др. и какой впоследствии совсем не находим у Кольцова. Но стихи и здесь уже довольно гладки, особенно для 1825 г., когда и Пушкин не написал еще лучших своих произведений, и Лермонтова не было, и вообще механизм стиха не был еще так упрощен, как теперь.

Скоро новое обстоятельство подкрепило Кольцова в его поэтических стремлениях. Около этого времени он сошелся с одним молодым человеком, к которому до самой его

смерти сохранил самые лучшие дружеские отношения. Это был Серебрянский. Он учился в Воронежской семинарии; но как все даровитые и сильные натуры, образованием своим обязан был более самому себе, нежели школьному ученью. Известно, что как бы ни дурно учили ребенка в детстве, как бы ни плохи были преподаватели в школе, но если ученик имеет добрую волю и твердое желание учиться, то при хороших его способностях он непременно достигнет образования сам, независимо от своих наставников. Оправдывают свое невежество неискусством учителей только те, которые сами из себя ничего не умеют сделать и все ждут, чтобы их тащили за уши туда, куда они сами должны идти. Серебрянский был не таков. Он имел от природы прекрасные способности и потому скоро понял, как недостаточны те знания, которые мог он приобрести от своих наставников. Это сознание не привело его, однако же, к лени и пренебрежению учением. Нет, он хорошо понимал, что без образования человек очень жалок, и потому он стал искать образования сам собою. Он стал читать, размыш-

лять и скоро, действительно, развился и образовался самостоятельно, не покидая, впрочем, семинарского курса, по окончании которого он намерен был поступить в Медико-хирургическую академию. Около 1827 г., т. е. когда Кольцову было лет семнадцать или восемнадцать, он сошелся с Серебрянским. Вместе с ясным и твердым умом Серебрянский имел и прекрасное сердце, и потому он принял в молодом поэте самое горячее участие. Он стал заниматься с ним, передавать ему все, что сам успел узнать и обсудить, и особенно старался растолковать ему, в чем состоит истинное достоинство и красота поэтических произведений. Кольцов никогда не мог без особенного чувства благодарности вспоминать, сколько он обязан этому человеку. И видно, что в самом деле Серебрянский много помог образованию Кольцова и развитию его поэтического дарования. У них не было назначенных уроков, не было преподавания, но была живая, умная беседа о важных, полезных и благородных предметах. Кольцов не принимал на веру слова своего друга, но сам рассуждал, спорил с ним, как видно из одного

позднейшего письма его. Вот что писал он, между прочим, в 1838 г., вскоре после смерти Серебрянского, выражая свою грусть о рано погибшем друге: «Вместе с ним мы росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили. И я так много был ему обязан... Он чересчур меня баловал... Вот почему я онемел было совсем (после его смерти), и всему хотелось сказать: прощай!»{6}.

Стараясь сообщить Кольцову необходимое образование, Серебрянский был в то же время и строгим критиком его первых поэтических трудов. Со времени знакомства с ним Кольцов не имел уже необходимости обращаться за судом и одобрением к книгопродавцу. В новом друге своем он нашел судью более надежного и более радушного. Серебрянский тщательно рассматривал и обсуживал каждое стихотворение, написанное самоучкой-поэтом. Он делал свои замечания на каждый стих и подробно объяснял Кольцову, чего недостает ему для художественного совершенства. Об этих отношениях свидетельствует нам сам Кольцов в стихотворении «Серебрянскому»:

*Не посуди: чем я богат,
Последним поделиться рад.
Вот мой досуг; в нем ум твой
строгий
Найдет ошибок слишком много:
Здесь каждый стих, чай, – греш-
ный бред.
Что ж делать! я такой поэт,
Что на Руси смешнее нет!
Но не щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки...*

И впоследствии рассмотренные Серебрянским стихи, действительно, исправлялись и, таким образом, мало-помалу получали внешнюю отделку, при которой можно было и печатать их. К сожалению, скоро Кольцову пришлось расстаться и с Серебрянским и снова остаться на некоторое время одному, без советника и друга. Серебрянский был беден и видел необходимость доставать средства для жизни собственными трудами. Чтобы иметь впоследствии по крайней мере верный кусок хлеба, он решился сделаться врачом и для этого скоро должен был отправиться из Воронежа в Москву, чтобы поступить там в Медико-хирургическую академию. Кольцов остал-

ся один.

В семействе своем он находил немного отрады и не мог ожидать поощрения своим литературным стремлениям. Отец его по-прежнему видел в сыне только помощника себе в торговых делах и с неудовольствием смотрел на его любовь к чтению и к поэтическим упражнениям. Чем больше вырастал Кольцов, тем больше дела отдаваемо было отцом на его руки. Теперь он один уже часто отправлялся летом в степь для разных распоряжений и для перегонки скота с места на место. Теперь чаще прежнего приходилось ему отправляться и на базар со скотом или с возами сала и заниматься мелким торгашеством, которое было так не по душе ему. Чем больше жил и развивался Кольцов, тем тяжеле ему становилась та жизнь, которую он принужден был вести. Честный и благородный по природе, получивший некоторые высшие понятия и стремления, он никогда не мог успокоиться на тех мелких и часто не совсем чистых занятиях и отношениях, к которым был привязан обстоятельствами своего происхождения. При всем том он не впал в отчаяние и

бездействие; напротив, он был деятельным торговцем, распорядительным хозяином и даже из своей деятельности извлек внутреннюю пользу, усвоив посредством ее положительный, здравый взгляд на жизнь, так хорошо выражающийся в его песнях. Как всякая истинно благородная и даровитая натура, он умел даже в самом дурном отыскать хорошие стороны и воспользоваться именно этим хорошим.

При всем том окружающие Кольцова так мало понимали его, что он ни в ком не находил сочувствия. Еще до дружбы с Серебрянским он успел было сблизиться в своем доме с одним существом, которое могло понимать его. Это была девушка, жившая в семействе Кольцовых. Но скоро, по решению родных, он и с нею был разлучен, и после того в своем семействе он уже не находил решительно никого, с кем бы мог быть близок душою. Он долго грустил после своей разлуки, и грусть эта отзывалась и впоследствии во многих из его стихотворений. Дружба с Серебрянским облегчила его горе в то время. Теперь, расставшись с ним, Кольцов остался совершенно

одинок, пока снова не встретил на своем пути благородного человека, принявшего в нем участие и имевшего важное влияние на последующую судьбу его. Этот человек был Станкевич.

Глава IV

Знакомство со Станкевичем. Поездка в Москву. Первое издание стихотворений Кольцова Станкевичем. Белинский. Знакомство Кольцова с литературным кругом в Москве и в Петербурге.

Любовь к чтению, имевшая такое благотворное влияние на всю жизнь Кольцова, содействовала, кажется, и сближению его со Станкевичем. Едва ли не в единственной книжной лавке воронежской в первый раз сошлись они и познакомились друг с другом. Николай Владимирович Станкевич был сын воронежского помещика, совершенно одних лет с Кольцовым (он родился в 1809 г.)^{7}. В то время (около 1830 г.) он был студентом Московского университета и приезжал в Воронеж на вакации. Он узнал о стихотворных опытах Кольцова, прочитал их и одобрил. И это было уже очень важно для молодого поэта, лишившегося после отъезда Серебрянского всякой подпоры и руководства в своих поэтических трудах. Но Станкевич имел на него еще более

важное влияние в последующее время.

Влияние это чувствовали на себе все, сблизившиеся со Станкевичем; все, знавшие его, донныне отзываются о нем с особенной признательностью. Это был живой, мыслящий и благородный человек в полном значении этих слов. Такие люди встречаются редко, но о них можно составить себе понятие по противоположным явлениям. Всем, конечно, случилось видеть на своем веку таких людей, которые живут день за день, ничем особенно не поражаются и не увлекаются, ни над чем долго не задумываются, не имеют никаких возвышенных стремлений и глубоких убеждений. С ними нельзя толковать о высших и благороднейших истинах, они тупо отказываются от понимания всего, в чем не видят материального барыша для своей жизни. При них нельзя восхищаться прекрасным: их сердце черство, чувства ничем не возбуждаются, и присутствие их обдает холодом самого пылкого человека, сдерживает самые стремительные порывы. При них даже добром нельзя увлекаться: они понимают нравственность совершенно по-своему и готовы даже

осмеять и осудить всякий живой, сердечный порыв к добру. Это люди сухие, мелкие, эгоистические. Но бывает и совершенная противоположность: встречаются иногда на свете люди с живою, любящею душою, с светлым, высоким умом, с горячими и благородными стремлениями. С такими людьми отрадно разделить всякое чистое чувство, всякую живую и благородную мысль. Их присутствие одушевляет человека на все доброе, возбуждает в душе самые святые и чистые стремления, дает как бы более простора для ума. И вот почему около таких людей всегда собирается кружок благородно мыслящих и чувствующих друзей, иногда далеко простирающих свое влияние и всегда хранящих память о том, вокруг кого они собирались. К числу таких редких людей принадлежал Н. В. Станкевич. Он всегда был средоточием небольшого кружка благородных людей, из которых многие впоследствии сделались известными и полезными в литературе. В этот кружок ввел Станкевич и Кольцова. В 1831 г. поэт-прасол по делам отца своего должен был отправиться в Москву. По приезде сюда он отыскал

Станкевича и, по его просьбе, остановился у него на квартире. Здесь-то между друзьями Станкевича, услышал он в первый раз новые для него, разумные речи; здесь-то в первый раз ум его озарился понятиями, которые доселе были ему чужды и о которых ничего не мог сообщить ему даже Серебрянский. Известно, что в то время все общество, которое собиралось у Станкевича, занято было особенно высшими философскими вопросами. Они были тогда в большом ходу, и особенно возбуждалось общее внимание учением знаменитого германского мыслителя Гегеля. Философию у нас вообще привыкли считать чем-то чрезвычайно трудным и темным, но на самом деле она весьма проста, потому что основывается на здравом смысле и простой логике, которые есть, конечно, у всякого неглупого человека. У немцев все это выходит, правда, довольно мудрено, потому что они в философии употребляют множество особенных слов и оборотов. Но у нас на русском языке подобных выражений еще нет совсем, так как вообще у нас мало писали о философии. Поэтому кружок Станкевича, толкуя о философ-

ских вопросах по-русски, поневоле должен был переводить отвлеченные фразы на простой язык; а в этом виде философия была понятна и самоучке Кольцову. И много новых дум, много новых вопросов подняли в душе поэта одушевленные беседы в кружке Станкевича. Недаром уже в 1833 г. он говорил в своей думе «Великая тайна»:

*Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью:
Ты поведай мыслям,
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...*

Здесь видим мы только вопрос и недоумение поэта; но много уже значит и то, что он спрашивал и задумывался о предметах высших...

Кольцов сам впоследствии, в стихотворении, посвященном памяти Станкевича, трогательно и живо изображает эти светлые беседы, этих бодрых, вдохновенных юношей, в кругу которых он тогда находился:

Могучая сила
В душе их кипит,
На бледных ланитах
Румянец горит.
Их очи, как звезды
По небу, блестят;
Их думы – как тучи;
Их речи горят...
...И с мира, и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.
Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет... – и пр.

Кольцов с своей живой и страстной душою, с своим постоянным стремлением к знанию и образованию себя, не мог не увлечься в этот чудный, новый для него мир философских размышлений, и он действительно увлекся, как доказывают его думы, особенно написанные им в 1836 г., когда он в другой раз побывал в Москве и повидался с своими друзьями. Но, разумеется, он не мог предаться вполне этому направлению как по внешним

обстоятельствам своей жизни, так и по скудости своего предварительного образования. Оттого-то у него в голове возникло много вопросов, на которые он не в состоянии еще был отвечать. Тем не менее живая мысль, соединявшаяся теперь с его поэтическим чувством и благородным настроением души, придала новое достоинство последующим его стихотворениям.

С этого же времени начинается и литературная известность Кольцова. В 1831 г. два или три стихотворения его были напечатаны в одном из тогдашних московских журналов {8}. Кольцов, до сих пор все еще чрезвычайно мало доверявший себе, увидел в этом как бы ручательство за то, что стихи его могут быть годны, и был от всего сердца рад, что успел попасть в печать. Возвратившись в Воронеж, он уже теперь с большею уверенностью в своих силах стал продолжать свои поэтические труды.

Вскоре Станкевич предложил Кольцову издать его стихотворения отдельной книжкой. Кольцов согласился и прислал ему довольно толстую тетрадь своих стихотворных опытов.

Между ними было много пьес слабых, невыдержанных, неотделанных, и Станкевич решился выбрать из тетради только лучшее, справедливо опасаясь, что если издать всё, то во множестве дурного совсем и не заметят хорошего. Таким образом, в 1835 г. явилась маленькая книжка, в которой напечатано было 18 стихотворений, избранных Станкевичем из тетради Кольцова. Стихотворения эти еще не обнаруживали во всем блеске самородного таланта Кольцова, но и в них уже можно было видеть, как замечательно его поэтическое дарование и как много оно обещает в будущем. Притом же не мало имело значения и то обстоятельство, что Кольцов был простолюдин, самоучка. На него обратили внимание и стали хвалить его произведения даже такие люди, которые совсем бы не стали их читать, если бы они написаны были человеком, получившим обыкновенное образование.

Но и в то время уже нашлись проницательные люди, которые увидели в Кольцове талант гораздо выше обыкновенного. Таков был Белинский, бывший впоследствии другом Кольцова и написавший его биографию в

1846 г., приложенную к изданию стихотворений Кольцова, предпринятому гг. Некрасовым и Прокоповичем. В. Г. Белинский имел также благодетельное влияние на развитие таланта Кольцова. Вообще этот человек много сделал для развития всей нашей литературы. В продолжение 15 лет он писал критические статьи, сначала в журнале «Телескоп», издававшемся профессором Надеждиным в Москве, потом в «Московском наблюдателе», который в 1832 г. самим же Белинским и издавался{9}, затем в «Отечественных записках» и, наконец, с 1847 г. в «Современнике». При жизни своей (он умер в 1848 г.) он не пользовался обширной известностью в читающей публике, потому что почти никогда не подписывал под статьями своего имени. Но зато между литераторами и людьми, близкими к журналистике, его значение было огромное. Его слово всегда имело высокую цену, принималось с любовью и доверием. Да и для всех вообще читателей голос Белинского был всегда силен и убедителен. Его критические статьи читались с жадностью, с восторгом, его мнения находили себе жарких защитни-

ков и последователей, хотя большая часть читателей и не знала, кто именно высказывает в журнале эти мнения. И самое это обстоятельство уже показывает, сколько ума и силы было в Белинском. Нередко принимают какое-нибудь мнение только потому, что оно поддерживается человеком важным или пользующимся славой умного, добросовестного и т. п., тут действует сила так наз. авторитета. Но когда с восторгом принимают мысли, высказанные неизвестно кем, безлично, — это значит, что в самых мыслях заключается сила правды и убедительности. Такая сила заключалась во многих статьях Белинского. Он обладал необыкновенной проницательностью и удивительно светлым взглядом на вещи. Из множества примеров возьмем один. Когда появились первые повести Гоголя, который теперь так высоко ставится всеми, тогда все критики наши сочли его просто веселым рассказчиком и упрекали за то, что он очень ярко выставлял пошлость предметов, действительно пошлых. Но Белинский тогда же прежде всех понял, какое значение имеет Гоголь. Еще в 1835 г. он напечатал в «Телеско-

пе» статью, в которой говорил, что до Гоголя у нас, собственно, не было хорошей чисто русской повести и что она начинается только с Гоголя! После того он постоянно защищал Гоголя против всех обвинений других критиков, и статьи его доказывают, что он совершенно ясно и верно понимал, в чем заключаются истинные достоинства Гоголя и сущность его таланта. Прошло двадцать лет, вся русская публика признала вслед за Белинским великое значение Гоголя, и порицатели его принуждены были умолкнуть... Многие мнения Белинского о литературе, высказанные по гениальному соображению лет за 15 и за 20 тому назад, подтверждаются ныне новыми исследованиями. То же самое было и в отношении к Кольцову. В 1835 г. Белинский напечатал в «Телескопе» статью о стихотворениях молодого поэта, в которой утверждал, что у Кольцова – необыкновенный поэтический талант, и определял сущность его поэзии. Вот несколько строк из его довольно обстоятельной статьи: «Немного стихотворений напечатано из большой тетради, присланной Кольцовым, – говорит Белинский, – не все и

из напечатанных – равного достоинства... найдется между ними два-три слабых, но ни одного такого, в котором бы не было хотя нечаянного проблеска чувства, хотя одного или двух стихов, вырвавшихся из души... Большая часть положительно и безусловно прекрасны... Почти все они имеют близкое отношение к жизни и впечатлениям автора и потому дышат простотою и наивною выражения, искренностью чувства, не всегда глубокого, но всегда верного, не всегда пламенного, но всегда теплого и разнообразного... В «Великой тайне» читатель найдет удивительную глубину мыслей, соединенную с удивительною простотою и благородством выражения, какое-то младенчество и простодушие, но вместе с тем и возвышенность и ясность взгляда!» («Тел.», 1835 г., ч. 27, стр. 476).

В заключение своей статьи Белинский высказывает горячее желание, чтобы дарование Кольцова не заглохло под тяжестью обстоятельств жизни, но развивалось и крепло. Он оканчивает напоминанием поэту о твердости духа и неутомимой борьбе с жизнью и приводит его же стихотворение «К другу», заключа-

ощееся следующими стихами:

*И пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит,
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит и страшит:
Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я,
Могильной тленью в прах низри-
нусь,
Но скорби не отдам себя!..*

Так хорошо умел Белинский понять Кольцова еще в то время, когда прасол-поэт не написал лучших произведений своих. Лучшие пьесы из напечатанных тогда были: «Песня пахаря», «Удалец» и «Крестьянская пирушка». И по этим-то пьесам, преимущественно, умел знаменитый критик наш определить существенный характер и особенности самородной поэзии Кольцова.

Но совсем не с таким одушевленным участием приняли стихотворения Кольцова многие из людей, считавшихся в то время опытными и умными судьями в деле литературы. Это выразилось отчасти в приеме, какой они сделали Кольцову, когда он в 1836 г. в другой

раз приехал в Москву по делам отца, а отсюда должен был проехать и в Петербург. В Москве он, как и в первый раз, остановился у Станкевича и тут же коротко познакомился с Белинским, который был уже в это время очень близок со Станкевичем. Белинский представил воронежского поэта многим из почетных московских литераторов; но немногие между ними умели понять Кольцова. Один из них начал рассуждать с поэтом, воображая, что он непременно придет в исступление, или начнет сладко сентиментальничать, или как-нибудь иначе выкажет свое поэтическое настроение. Но Кольцов держал себя как и все обыкновенные люди и рассуждал очень положительно, как торговец, привыкший к простой трудовой жизни, а не к прихотливым фантазиям. Почтенный литератор заключил из этого, что в Кольцове нет поэтического чувства... А другой литератор, очень сухо принявши Кольцова, даже подсмеивался потом над тем, кто ему представил поэта. «Что вы нашли в этих стишонках, – говорил он, – какой тут талант? Да это просто ваша мистификация: вы сами сочинили эту книжку ради шутки!..»

Среди таких людей не очень весело было Кольцову, да он и не слишком добивался чести быть знакомым с ними. Он был всегда скромн и даже застенчив в обществе; но застенчивость эта происходила только от непривычки к новым людям и отчасти от скромного сознания, что он сам ничем не может интересовать других. Он привык к деловым отношениям, привык видеть, что люди тогда сходятся друг с другом, когда один в другом почему-нибудь нуждается. Ему странно было отпра вляться к человеку так, ни за чем. А если он видел, что к нему выказывают особенное расположение, стараются ухаживать за ним, ищут его знакомства, это даже внушало ему недоверчивость на первый раз. Он опасался, нет ли тут какого-нибудь скрытого расчета, не хотят ли посмеяться над ним и т. п. Он не мог понять, за что его любят и ищут, и говорил обыкновенно в таких случаях: «Да что я ему?.. что такое во мне?..» Только уверившись, что его ласкают от души, выказывают расположение искреннее, он решался сблизиться с человеком. И тут уже он не был застенчив, не был скрытен с такими людьми.

В кругу друзей своих он был, как говорится, совершенно нараспашку; им он открывал все свои мысли и чувства, рассказывал всю свою жизнь, даже в самых мелочных подробностях. Не нужно, впрочем, думать, чтобы тут Кольцов пускался в какие-нибудь жалостные и трогательные изложения своих чувств и судьбы своей. Нет, он не любил ничего плаксивого. Напротив, он всегда сохранял свой положительный характер и даже с друзьями редко распространялся о своих чувствах. Напротив, он часто любил толковать о своем ремесле, о своей ловкости в хозяйственных распоряжениях, даже о разных проделках в торговле, о том, как умел он надуть неопытного покупателя, продать подороже и купить подешевле. По этому поводу г. Катков, хорошо знавший Кольцова, рассказывает следующий анекдот.

Однажды среди таких рассказов поэта кто-то из присутствующих тут приятелей спросил его:

– Скажите, Алексей Васильевич, неужели вы и нас бы надули?

– И вас бы надул, – отвечал Кольцов, – ей-

богу, надул бы. Последним готов поделиться с вами, а на торгу не дал бы спуску, не удержался бы. Лучше после отдал бы вам вдвое, а тут надул бы.

Этот анекдот очень замечателен{10}. Он свидетельствует о том, как сильно действует даже на благородную натуру дурная привычка, с первых лет жизни укоренившаяся в человеке, и как мало иметь только прекрасное сердце для того, чтобы быть строго, безукоризненно нравственным. Кольцов был благороден и чист в душе своей, он всегда имел стремления добрые, готов был последним поделиться с друзьями, но и он не мог освободиться от дурного обычая барышничать при торговле; он говорит, что на торгу «не мог удержаться» от этого... Без всякого сомнения, такие поступки были следствием привычки, а не делом убеждения: привычка всегда тем сильнее на нас действует, чем менее мы о ней думаем. Но чем более образовывался ум Кольцова, чем более стал он размышлять (особенно после сближения с друзьями Станкевича в 1836 г. и 1838 г., когда он снова прожил довольно долго в Москве), тем тяжеле ему ста-

новилаась обязанность мелкого торговца, тем сильнее он чувствовал отвращение от нее. В письмах Кольцова после 1838 г., приведенных Белинским в его биографии, все яснее и яснее выражается это отвращение. Тотчас по приезде в Воронеж он писал: «С моими знакомыми расхожусь помаленьку: наскучили мне их разговоры пошлые». Около того же времени пишет он следующие строки: «Писать к вам хочется, а ничего нейдет из головы. Плоха что-то моя голова сделалась в Воронеже, одурела вовсе, и сам не знаю отчего, не то от этих дел торговых, не то от перемены жизни. *Я было так привык быть у вас и с вами, так забылся для всего другого;* а тут вдруг все надобно позабыть, делать другое, думать о другом: ведь и дела торговые тоже сами не делаются, тоже кой о чем надобно подумать. Так одряхлел, так отяжелел; право, боюсь, чтобы мне не сделаться вовсе человеком материальным. *Боже избави!* уже это будет весьма рано; не хотелось бы это слышать от самого себя!..» Эти строки невеселы, но все еще в них видно некоторое спокойствие и надежда. А в 1840 г. его слова отзываются уже безотрадной, тяже-

лой грустью: «У меня давно уже, – пишет он, – лежит на душе грустное сознание, что в Воронеже долго мне несдобровать... Давно живу я в нем и гляжу вон, как зверь. *Тесен мой круг, грязен мой мир, горько жить мне в нем давно.* Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживает меня от падения. И если я не перемену себя, то скоро упаду; это неминуемо, как дважды два – четыре. Хотя я и отказал себе во многом, и *частью, живя в этой грязи, отрешил себя от ней, но все-таки не, совсем, но все-таки не вышел из нее...*»

В этих немногих строках выражается благородная душа поэта, стремящегося к совершенству и готового упрекать себя даже за те обстоятельства жизни, которые приводили его к чему-нибудь дурному и пошлomu независимо от его воли... По свидетельству друзей Кольцова, любимейшей мечтой его жизни было отделаться от мелочной торговли и на свободе предаться ученью... Особенно сильно и постоянно выказывал он это стремление после 1836 года.

Вообще пребывание в Москве и в Петербурге в 1836 г. принесло Кольцову много но-

вых впечатлений и познакомило его с многими предметами, которых он не знал до этого времени. Самое знакомство с новыми людьми было для него интересно и полезно. Сначала он всегда робел и смущался при новых лицах, но потом, осмотревшись немножко, принимался делать свои наблюдения. Он обыкновенно говорил мало, смотрел несколько исподлобья, и все думали, что он находится в каком-то замешательстве, что ему неловко, а он между тем все наблюдал и замечал с необыкновенной проницательностью и искусством... Таким образом, он скоро умел разгадать человека и нередко смело открывал пустоту и ничтожество тех, кого, по слухам, должен был уважать как людей умных и образованных. Подобные открытия, подтверждаемые истинными друзьями поэта, должны были, конечно, придать ему более доверия к собственным силам, хотя на первый раз и не могли не огорчать его... И действительно, с этого времени решительно проявляется самостоятельность Кольцова в его песнях.

По приезде в Петербург Кольцов и там скоро успел познакомиться с первыми литера-

турными знаменитостями того времени. И здесь он был принят очень хорошо. С особенным радушием и сердечным участием принял его Пушкин, который вообще отличался искренней любовью к литераторам и уважением ко всякому таланту. Кольцов никогда не мог забыть ласкового приема Пушкина и рассказывал о нем почти со слезами на глазах. Скоро после того (в январе 1837 г.) Пушкина не стало, и Кольцов посвятил его памяти свое превосходное стихотворение «Лес».

Кроме Пушкина, Кольцов познакомился в Петербурге с кн. Одоевским, с Жуковским, с кн. Вяземским. Последний постоянно оказывал ему свое участие и был во многом полезен ему своим влиянием, когда Кольцов по делам отца снова приехал, в Москву, в 1840 г. Из других литераторов многие сами поспешили познакомиться с простолюдином-поэтом. Он с ними сначала был скромн и застенчив, но потом и здесь, точно так же как в Москве, умел выказать свою наблюдательность.

Одним из важных последствий литературных знакомств Кольцова было, между прочим, обогащение его библиотеки новыми

книгами. Почти каждый из писателей, с которым он знакомился, спешил подарить ему свои сочинения и издания. Это было очень приятно для Кольцова, у которого страсть к чтению с течением времени не только не проходила, но все более и более возрастала.

Но теперь он уже менее интересовался романами и другими сочинениями для легкого чтения, а более полюбил науку и дельные книги, особенно исторические. Только стихи по-прежнему привлекали его внимание, хотя он уже и не нуждался теперь в образцах для подражания, открывши свой особенный род, в котором был совершенно самостоятельным и решительно не имел соперников... Как видно из его писем, книги и журналы присылались ему разными литераторами и в Воронеж, и он всегда с восхищением принимал такие подарки.

Глава V

Возвращение в Воронеж. Домашние занятия. Душевные тревоги Кольцова. Новая поездка в Москву и новая грусть и жалобы поэта по возвращении в Воронеж. Последняя поездка в Москву и Петербург. Тоска и болезнь Кольцова в Воронеже. Семейные отношения. Предположения о переселении в Петербург. Смерть.

Кончивши благополучно все свои дела в Москве и Петербурге, Кольцов возвратился в Воронеж и тотчас же принялся там за хозяйственные хлопоты. Вот что писал он в это время о своих занятиях: «Батенька два месяца в Москве, продает быков; дома я один, дел много. Покупаю свиней, становлю на винный завод на барду; в роще рублю дрова; осенью пахал землю; на скорую руку езжу в села; дома по делам хлопочу с зари до полночи». С этого времени особенно делаются хлопотливыми его занятия, потому что отец возложил на него почти все торговые дела. На его имя были переведены все долги, все векселя и обязательства, его трудами должно было поддер-

живаться благосостояние целого дома. Сначала эта деятельность заняла его, но скоро он стал тяготиться ею, вспоминая о своих московских друзьях и о тех высоких, благородных понятиях, которые там раскрывались пред ним. Только в 1837 г. он был утешен посещением В. А. Жуковского и тем вниманием, какое оказал ему знаменитый поэт и воспитатель наследника престола пред лицом всех воронежских граждан.

Вообще же время 1836–1838 гг. было тревожно для Кольцова. Он чаще прежнего задумывался над вопросами, которых не мог решить, и сильнее прежнего чувствовал неудобства своего положения, из которого, однако, не мог выйти. Душевная борьба его выразилась в это время во многих думах, в которых почти всегда находятся глубокие вопросы с очень слабыми и недостаточными ответами. Между прочим, в одной думе поэт старается оправдать и объяснить самые свои сомнения и вопросы:

*Как же быть мне —
В этом мире
При движеньи*

Без желанья?
Что ж мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?
В эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила
И живет в ней,
Как царица!
С колыбели
До могилы
Дух с землею
Ведут брани:
Земь не хочет
Быть рабою,
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться.

Здесь как будто выражается какая-то попытка объяснить вопрос, обративши внимание на противодействие духа и тела. Но поэт не решается и на этом остановиться; несколь-

ко стихов далее он отказывается от собственных соображений, говоря:

*В этой сказке
Цель сокрыта;
В моем толке
Смыслу нету,
Чтоб провидеть
Дела божьи.*

Кольцов теперь более, нежели когда-нибудь, сознавал и горько сожалел, что он недостаточно образован. От природы он был очень умен и проницателен; он не мог смотреть на жизнь и на природу без желания понимать их. Ему беспрестанно приходили в голову новые, важные вопросы относительно всего, что он видел и слышал. Его ум и некоторые общие понятия, какие успел он приобрести, убеждали его, что эти вопросы можно решить с помощью науки. Но именно наукой-то он и не владел настолько, чтобы делать точные и решительные выводы и соображения. Это ему было очень горько, и он писал однажды к своему приятелю: «Будь человек и гениальный, а не умеешь грамоте, — не прочтешь и вздорной сказки. На всякое дело

надо иметь полные способы... Прежде я-таки, грешный человек, думал о себе и то и то, а теперь, как кровь угомонилась, так и осталось одно желание – учиться». И на самом деле Кольцов все продолжал учиться, постоянно читая книги, среди своих хозяйственных занятий.

В 1838 г. опять Кольцов был в Москве и прожил здесь довольно долго. Опять сошелся он тут с своими благородными друзьями, и сердце его отдохнуло с ними от тяжелых, мелочных забот, торговых сделок и от того грубого общества, которое окружало его в Воронеже. В это время он написал довольно много хороших пьес, и, конечно, это опять, много зависело от того обстоятельства, что он был совершенно спокоен и душа его ничем не возмущалась. Зато еще тяжелее было ему теперь, возвратиться в Воронеж. Тотчас по приезде туда он писал в Москву: «В Воронеж я приехал хорошо; но в Воронеже жить мне противу прежнего вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно в нем. И все, кажется, то же, а не то...» Видно, что ему тяжело было теперь жить с людьми, которые не умели понимать его, и

между тем в том же письме он замечает: «Воронеж принял меня в десять раз радушнее противу прежнего; я благодарен ему». Но видно, что это радушие было только по наружности. В том же письме Кольцов рассказывает, каким образом разница понятий заставила его разойтись с прежними знакомыми в Воронеже. «Я хотел с приезда уверить их, – говорит он, – что они криво смотрят на вещи, ошибочно понимают: толковал так и так. Они надо мной смеются, думают, что я несу им вздор. Я повернул себя от них на другую дорогу, хотел их научить – да ба! и вот как с ними поладил: все их слушаю, да сам про себя думаю о другом; всех их хвалю во всю мочь; все они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я сам про себя смеюсь над ними от души. Таким образом, всё идет ладно; а то что, в самом деле, из ничего наживать себе дураков-врагов? Уже видно, как кого господь умудрил, так он с своею мудростью и умрет». Это письмо еще раз доказывает нам, как

Кольцов по натуре своей был чрезвычайно благороден и умен, но, что ему постоянно вредило недостаток образования. Он с радостью готов был передать другим те новые понятия, которые сам приобрел, и потому принялся было учить знакомых и близких к нему людей. Но это дело было выше сил его, его осмеяли, и он скоро сам увидел бесполезность своих попыток и решил оставить все как было... Положение Кольцова в семействе было теперь, однако, лучше, чем прежде. Отец, его, видя, что стихи не мешают сыну заниматься делом и даже доставляют расположение и уважение важных людей, не стеснял его и был с ним в хороших отношениях. Кольцов сам пишет в том же письме: «Старик отец со мною хорош; любит меня более за то, что дело (в Москве) хорошо кончилось: он всегда такие вещи очень любит». Добрые отношения были еще у Кольцова в это время с младшею сестрою, которую он очень горячо любил. Всеми силами старался он доставить ей образование; необходимость его он сам так сильно чувствовал. Он часто рассуждал, читал с нею и употребил все усилия, лесть, даже хитрость,

чтобы умолить отца купить ей фортепьяно, взять учителя музыки и французского языка... К несчастью, впоследствии мелкие домашние дразги и расчеты нарушили и эту привязанность, как ни старался Кольцов сохранить ее и как ему ни больно было встретить неблагодарность и вероломство в отплату за свою любовь.

Поддерживать торговые и хозяйственные дела также было не совсем легко для Кольцова, Кроме разнообразных хлопот по делам, у него на руках была теперь новая забота — стройка дома. Во время его отсутствия все шло дурно, и по возвращении из Москвы ему надобно было особенно много трудиться, чтобы все поправить и устроить. Между тем и люди, с которыми ему приходилось иметь дело, вовсе не радовали его. Ему поневоле приходилось хитрить и притворяться с ними, иногда для избежания неприятности, а иногда даже для спасения от гибели. Например, однажды в степи какой-то работник так на него озлобился, что хотел зарезать его. Кольцов успел как-то заметить или узнать его намерение. Что было делать? Сейчас же схва-

тить и обличить бездельника было опасно, уберечься от его нападения не было никакой возможности: дело было в степи. Кольцов решился на хитрость: он вдруг притворился чрезвычайно расположенным к мужику, стал с ним особенно ласков и любезен, поил его вином, сам с ним пил и братался. Таким образом ему удалось избежать опасности и по возвращении в Воронеж ему уже нетрудно было обличить злодея и рассчитаться с ним, как ему хотелось. Тяжело было жить с подобными людьми такому доброму, благородному человеку, каким был Кольцов; в нем все сильнее разгоралось желание оставить Воронеж и переселиться в Москву или в Петербург. При невозможности же сделать это ему хотелось по крайней мере освободиться от мелкого торгашества, в котором поневоле приходилось прибегать к мелким плутням и всякого рода неправдам. Одно из самых отрадных предположений Кольцова в это время состояло в том, чтобы, по приведении в порядок дел по степи и по окончании постройки дома, сдать всю эту мелкую торговлю на руки отцу, а самому открыть в своем доме книжную лав-

ку. К сожалению, это предположение не исполнилось.

В 1838 г. умер Серебрянский. Смерть его глубоко огорчила Кольцова. Грусть о потере преданного и благородного друга делала еще тяжелее его положение в кругу людей, которые не умели ценить и понимать его. Его преследовали насмешками, осуждениями, бранью все те, которым не хотелось сознаться, что он лучше их. Кольцова это иногда смешило, но иногда ему и тяжело приходилось. В одном письме к своему другу он говорит: «Здесь, кругом меня, татарин на татарине, жид на жиде, а дел берем. Стройка дома (которая кончилась с месяц назад), судебные дела, услуги, прислуги, угождения, посещения, счета, расчеты, брани, ссоры... И как еще я пишу? И для чего пишу? Для вас, для вас одних; а здесь я за эти писания терплю одни оскорбления. Всякий так и лезет на меня: дескать, писаке-то и крылья ошибить; это меня часто смешит, когда какой-нибудь чудака петушится...»

В 1840 г. еще раз побывал Кольцов в Москве и в Петербурге. Причиной его поездки

были два тяжёлые дела, для окончания которых нужно было хлопотать ему самому в обеих столицах. Одно дело (в Петербурге) было проиграно. Кольцов поспешил в Москву, чтобы там хлопотать о другом. Здесь хлопоты его кончились благополучно, благодаря особенному участию кн. П. А. Вяземского, давшего ему много рекомендательных писем к разным лицам, к которым ему бы иначе и доступа не было.

В Москве Кольцов опять отдохнул душою среди своих старых друзей и с ужасом думал о возвращении в Воронеж. «Если бы вы знали, – писал он в Петербург к Белинскому, – как не хочется мне ехать домой: так холодно и обдаёт при мысли ехать туда, а надо ехать – необходимость, железный закон». Поэтому он и по окончании дел ещё несколько времени жил в Москве и радостно встретил с друзьями новый, 1841, год. Через год он грустно вспоминает об этом в стихотворении на новый, 1842, год:

*Прожитый год, тебя я встретил шумно,
В кругу знакомых и друзей.*

*...Так до зари беседа наша
Была торжественно шумна,
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!
Но год прошел: одним звездою яс-
ной,
Другим он молнией мелькнул,
Меня ж год встреченный прекрас-
но,
Как друг, как демон обманул!
Тяжелый год, – тебя уж нет, а я
еще живу,
И новый тихо, без друзей, один
встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.
Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель безвременно из мира выйду
я,
Не совершив и задушевного жела-
нья?*

Предчувствие поэта не обмануло его. Ему уже не суждено было прожить до конца 1842 г. В начале 1841 г. он принужден был воротиться домой, потому что в Москве не имел никаких средств для жизни. Пред самым отъ-

ездом он писал в Петербург: «Не хочется ехать, да и только. Вот пришло время: и дом и родные невзлюбились наконец. И если б была какая-нибудь возможность жить в Питере, – я бы прямо – марш и остался бы в нем навсегда. Но без средств этого сделать нельзя, – и я еду домой... Я, признаться, думал сначала махнуть в Питер; но как прохватил меня голод, я и присел – и хорошо сделал...»

Как только приехал Кольцов в Воронеж и устроил немножко дела по торговле и по дому, первой заботой его было выпросить у отца согласие на отъезд свой в Петербург. На этот раз отец был согласен и даже решился уплатить долги по тем векселям, которые были на имя сына и могли препятствовать его выезду из Воронежа, решился также прекратить торговлю скотом и заняться только присмотром за домом, с которого можно было получать теперь до 7000 ассигн. годового дохода. Кольцов был необыкновенно рад такому решению. Но в это время он захворал и очень опасно. На страстной неделе, в 1841 г., он чуть не умер, однако ж на этот раз жизнь его была еще спасена благодаря особенно радушным

попечениям доктора, который лечил его. Мать Кольцова постоянно оставалась при нем и ходила за больным, несчастным сыном своим с самым нежным участием. Несколько раз Кольцов просил доктора оставить лечение, если он не ожидает выздоровления. «Доктор, если моя болезнь неизлечима, – говорил он, – если вы только протягиваете жизнь, то прошу вас не тянуть ее. Чем скорее, тем лучше, и вам меньше хлопот». Доктор уверял больного, что он выздоровеет, и это на время успокоило Кольцова. «Если так, будем лечиться», – говорил он. Действительно, на несколько времени ему стало лучше, и он даже получил на время хорошее, спокойное расположение духа, сблизившись с одним существом, прекрасным и образованным, в котором думал найти свое счастье. Но скоро разлука отняла у Кольцова и эту последнюю отраду, и здоровье его еще более прежнего расстроилось. Он почувствовал боль в груди и чрезвычайное расслабление во всем теле. Для излечения доктор посоветовал Кольцову пользоваться купаньем в Дону, и он отправился для этого на дачу к одному из своих

родственников. Купанье действительно несколько помогло ему, но он принужден был прекратить свое лечение, не кончивши его, потому что вскоре наступила осень и продолжать купанье было уже невозможно. Впрочем, и после этого он продолжал еще понемножку поправляться, стал читать и писать, возобновил переписку с своими друзьями.

Но для совершенного выздоровления нужно было полное спокойствие, а этого-то и недоставало Кольцову. Родные теперь совершенно оставили его, так что ему приходилось терпеть бедность и недостаток в самом необходимом. Случалось, что ему не на что было купить лекарства; иногда у него недоставало чаю и сахару; иногда приходилось даже оставаться без обеда и ужина. К недостатку скоро прибавилось еще беспокойство: в том доме, где жил Кольцов, готовилась свадьба, и поднялась беготня, уборка и суматоха, ни на час не дававшая покоя больному. Грустно читать одно из последних его писем, в котором он описывает свое положение в это время: «Все начало ходить и бегать через мою комнату;

полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки, благовония курят каждый день; для моих расстроенных легких все это плохо. У меня образовалось воспаление, сначала в правом боку, потом в левом, противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здесь-то я струсил не на шутку. Несколько дней жизнь висела на волоске. Лекарь мой, несмотря на то что я ему очень мало платил, приезжал три раза в день. А в эту пору у нас вечеринки каждый день, – шум, крик, беготня, двери до полночи в моей комнате ни минуты не стоят на петлях. Прошу не курить – курят больше; прошу не благовонить – больше; прошу не мыть полов – моют...» Наконец, скрепивши сердце, Кольцов решился молчать, и терпеть до тех пор, пока свадебные пирушки не кончатся. А потом он даже извинился сам пред всеми за те неприятности, которые вытерпел, и таким образом кое-как уладился и помирился с домохозяевами. Его оставили в покое, и он с радостью говорит об этом в одном письме: «Я теперь, слава богу, живу покойно, смирно. Они меня не беспокоят. В комнате тишина; сам большой, сам стар-

шой. Обед готовят порядочный. Чай есть, сахар тоже, а мне пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше. Начал прохаживаться и два раза был в театре. Лекарь уверяет, что я в пост не умру, а весной меня вылечит».

В эти недолгие промежутки времени, когда облегчались страдания болезни, в эти светлые минуты покоя у Кольцова с новой силой явилось желание переехать в Петербург. Еще и перед этим временем несколько раз представлялись ему случаи получить там торговое занятие. Так, в 1840 г. предлагали ему принять на себя управление книжной лавкою, основанною на акциях. Около того же времени издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский предлагал ему принять на себя заведование конторою этого журнала. Но в то время Кольцова удерживали в Воронеже долговые обязательства, переведенные отцом на его имя. Притом же он боялся начинать новую торговлю без капитала, опасаясь, чтобы, при незначительности средств, и тут не пришлось повторять того же, что он успел вытерпеть и что ему так не нравилось в пра-

сольских его занятиях. Теперь же, когда у него, по разным интригам близких ему людей, ничего не осталось, когда он чуть не из милости мог жить в своем доме, – теперь он решительнее прежнего задумал переселиться в Петербург и только ждал своего выздоровления. Но и теперь еще его очень сильно тревожила мысль: как и чем будет он жить в Петербурге? В одном письме он говорил: «Удерживаться дома – житье-бытье мне будет плохое; но всё как ни говори, а со двора меня не сгонят. Ехать в Питер – мне не дадут для этого ни гроша. Ну, положим, я найдусь туда приехать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но, приехавши туда, что я буду делать? Наняться в приказчики? – Не могу; от себя заниматься? – Не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за них дадут?.. Что, если в сорок лет придется нищенствовать?... Плохо!..»

Подобные мысли и опасения тревожили Кольцова почти постоянно и возмущали последние дни его жизни. Во все продолжение 1842 года он был болен. Наконец силы его совершенно истоцились; он упал под бременем

болезни, бедности и бесплодной борьбы с обстоятельствами. 19 октября 1842 года, в три часа пополудни, Кольцова не стало. Он умер на 34-м году от рождения.

Мы рассказали о жизни этого замечательного человека, насколько это известно из рассказов, до сих пор напечатанных. Но нет сомнения, что еще много откроется впоследствии для биографии Кольцова новых фактов, которые еще более заставят любить и уважать его. Доселе друзья Кольцова, которые могли бы многое рассказать из его жизни, молчали по чувству особенной деликатности, чтобы не выставить в дурном свете многих людей, близких поэту. Со временем, конечно, появятся более полные и откровенные рассказы, в которых мы увидим самые подробности домашнего быта Кольцова. Впрочем, и того, что мы знаем теперь, уже достаточно, чтобы сделать общее заключение о характере этого человека. Во всей его жизни мы видим одно стремление, одну постоянную заботу — образовать себя. Это стремление обнаруживается в нем еще с детства и во всю жизнь нигде и никогда не покидает его. Все, что окру-

жает поэта, противится этому стремлению, но оно все-таки остается в душе его твердо и непоколебимо. Это стремление пробуждает в нем сначала охоту к чтению, потом желание и самому сочинить что-нибудь, и отсюда начинается его поэтическая деятельность. И сама эта деятельность развивалась и совершенствовалась у него по мере большего и большего образования его ума. Как истинный и высокий поэт, Кольцов никогда не предавался одному только безотчетному чувству, без всякого участия разума. Нет, размышление всегда соединялось у него с чувством. В каждом из стихотворений Кольцова непременно есть мысль. И чем выше становилась образованность поэта, тем яснее и полнее выражалась мысль в стихах его, тем теснее она соединялась с чувством сердца. Самые недостатки некоторых стихотворений, напр. дум, происходят от того, что поэт брался в них за представление таких предметов, которые он еще не совсем ясно понимал и в которых поэтому не могло сильно выразиться поэтическое чувство.

То же было и в жизни. Кольцов еще позво-

лял себе ложь, хитрость, торговые проделки и т. п., пока ум его, образовавшись более, не дошел до сознания высших обязанностей. Но как скоро он их понял, ему стало грустно и тяжело: он почувствовал отвращение к прежней жизни и до самой смерти своей все старался изменить свои обстоятельства и начать новую жизнь. Бедный поэт не успел в своих стремлениях: зло вокруг него было слишком сильно; он не мог выйти победителем из борьбы. Но все же он боролся и даже многое выиграл в этой борьбе; его поэзия досталась ему не даром: многого стоило ему сохранить и воспитать в себе поэтическое чувство, выучиться слагать стихи и даже приобрести то скудное образование, какое видно в его произведениях. Всю жизнь свою он исполнял то, что обещал себе уже незадолго до смерти: «Буду жить, пока живется, работать, пока работается; употреблю все силы, пожертвую, сколько могу; буду биться до конца-края, приведу в действие все зависящие от меня средства. И когда после этого упаду, мне краснеть будет не перед кем, и перед самим собою я буду прав».

И действительно, если свет был не прав перед ним, зато он был вполне прав и перед собою и перед светом, которому оставил на память своей жизни такую высокую, истинную поэзию.

Глава VI

Характер поэзии Кольцова. Верность и правдивость в изображении предметов. Положительный взгляд на вещи. Присутствие мысли в стихотворениях. Думы. Некоторые черты народного характера в песнях Кольцова. Сила чувства и выражения. Язык Кольцова. Заключение.

В жизни Кольцова мы видели, что он постоянно стремился к высшему образованию своего ума и сердца: одно уже это обстоятельство делает его замечательным человеком и заставляет любить и уважать его. Но как мы заметили, борьба поэта с обстоятельствами жизни не осталась бесплодной: он многое преодолел, многого достиг силою своей твердой воли и природного ума. И все, приобретенное Кольцовым, не скрылось в душе его, неведомо для людей, а ясно, живо и звучно выразилось в его поэзии. По своим поэтическим произведениям Кольцов замечателен еще более, нежели по своей жизни. Эти произведения не бесполезны и для пополнения

биографии поэта. В них так хорошо высказалась живая, поэтическая душа его. Для нас же они важны еще более как превосходные литературные произведения, имеющие общий интерес и значение. По всем этим причинам мы к рассказу о жизни Кольцова прибавим теперь еще несколько слов о характере и значении его стихотворений.

Кольцов писал сначала разные мелкие стихотворения, подражая отчасти известным поэтам нашим. Это самые слабые его произведения, из которых только немногие заслуживают особенного внимания. Кроме того, у Кольцова есть думы и песни. В думах он обыкновенно старался передать свои сомнения, свои вопросы, которые рождались в его уме при взгляде на мир. Эти думы имеют один важный недостаток: поэт говорит в них о том, чего сам ясно не понимает, и, задавши вопрос, часто очень важный и глубокий, оставляет его без ответа, а иногда еще и прибавляет в конце, что напрасно и рассуждать об этом.

Песни Кольцова составили у нас совершенно особый, новый род поэзии. И до Кольцова,

правда, писали у нас русские песни, но мы уже видели выше, что это были за песни. Несмотря на то что в них являлся как будто простой русский человек, однако ж, ни в содержании, ни в самом выражении этих песен не было ничего простого и русского. Кольцов первый стал представлять в своих песнях настоящего русского человека, настоящую жизнь наших простолюдинов, так, как она есть, ничего не выдумывая. Это происходило от двух причин. Во-первых, Кольцов хорошо знал народную жизнь, знал не понаслышке, а по собственному опыту. Многие потому только воображают, что они знают народную жизнь, что проезжали через деревни и встречались с крестьянами. Такие люди обыкновенно думают, что отличие жизни крестьянина от их жизни состоит только в том, что крестьянин не бреет бороды, не понимает тонкости обращения и не делает визитов. Поэтому они часто представляют, что мужичок сидит у ручейка и жалобно поет чувствительную песню, или, выгнавши в поле стадо, садится под тень развесистого дерева и сладко играет на свирели, или сидит у себя под окошком и

собирается убежать в лес, чтобы скрыться от злых толков. Сочинители крестьянских песен не хотят знать, что мужичку некогда переливать из пустого в порожнее, разговаривать с волнами попусту, мечтать бог весть о чем: у него есть дело поважнее. Он сам должен заботиться о себе, если хочет иметь хлеб насущный да хоть плохонький кафтанишко. Он должен и пахать, и боронить, и косить, и молотить, и на базар хлеб свезти, да еще и за домом присмотреть, и скотину покормить. И мало ли у него дела! Каждый божий день занят он с утра до ночи, так что и в светлый праздник чуть отдохнуть успеет. Когда же тут пускаться в мечтания о каком-то золотом веке, о счастье в хижине, и пр. и пр. Только тот, кто не знает жизни крестьянской, т. е. хоть и видал, да не испытал ее, — только тот может представить мужичка с такими чувствами и мечтами. И замечательно еще то, что в этих подделанных песнях никогда не видно, что за человек, как и где живет тот, чьи чувства выражаются в песне. Называется это лицо добрым молодцом или красной девицей, значит, человек из простого звания. А между тем нет

тут никакого намека на жизнь простого народа, не видно даже никакого следа заботы о том, чем обыкновенно занят крестьянин, — о приобретении возможности быть сытым, одетым и пр. Как будто они живут где-нибудь в облаках, питаются воздухом, одеваются ветром, умываются росой небесною!..

Совсем не то у Кольцова. Он сам испытал все нужды простого народа, сам жил с ним, сам был в том же положении, в каком живут наши простолюдины. Поэтому и в стихотворениях Кольцова русские люди являются настоящими, а не выдуманнами существами.

Другая причина естественности изображений в песнях Кольцова заключается в самых свойствах природного ума поэта. Он всегда отличался положительным, практическим взглядом на вещи, и чем более приобретал образованности, тем яснее становился в нем такой взгляд. Он не был из тех людей, которых называют обыкновенно идеалистами и которые, будучи незнакомы с нуждами и трудностями жизни, смотрят с пренебрежением на заботы о вещественном благосостоянии, Кольцов образовался и воспитался именно в

школе житейской нужды и лишений. Поэтому он хорошо понимал важность достатка в жизни, – и в его поэзии ярко отразилось это.

Во всем у него видно живое, положительное направление. Напр., он любит степью и прекрасно изображает ее; но он не забывается в этом наслаждении. Главная мысль его та, что в степь эту приходит молодой косарь, которому нужно добыть денег, чтобы жениться на дочке старосты. И вот как размышляет косарь, обращаясь к степи:

*В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...
Раззудись, плечо,
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,*

*Засверкай кругом!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!*

Вслед за этим чудным изображением работы косаря рисуется практическая цель, для которой все это делается:

*Нагребу копен,
Намечу стогов —
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь в село —
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью,
Так разжалоблю
Золотой казной...*

Эта забота о вещественных средствах жизни везде видна в песнях Кольцова. Пахарь его не восхищается только природою; нет, он думает о другом:

Заблестит наш серп здесь,

*Зазвелят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых,
...Уроди мне, боже,
Хлеб – мое богатство.*

В стихотворении «Урожай», после превосходнейшего описания пробуждения сельской природы весной, идет речь о полевых работах крестьян, и главная мысль обращается на то,

*Что послал господь
За труды людям.*

Собираясь на пирушку, крестьяне опять

*...пьют и едят.
Речи гуторят —
Про хлеба, про покос,
Про старинушку:
Как-то бог и господь
Хлеб уродит нам,
Как-то сено в степи
Будет зелено.*

По осени мужички —

*Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.*

Невесте своей поэт сулит не одну любовь в хижине, а говорит:

*Будут платья дорогие,
Ожерелья с жемчугом;
Наряжайся, одевайся
Хоть парчою с серебром.*

Говоря о ссорах с дурной женой, не забывает он и о долгах:

*И живем с ней – только ссоримся,
Да роднёю похваляемся,
Да, проживши все добро свое,
В долги стали неоплатные...*

В радости своей он говорит:

*Я не в поле вихрем веялся.
По людям ходил, деньгу копил,
За морями счастья пробовал...
Моя доля здесь счастливая:
Я нажил себе два терема,
Лисиц, шелку, много золота,
Станет век прожить боярами.*

В грусти своей он опять жалеет о том, что нет у молодца

*Золотой казны,
Угла теплова,*

*Бороны-сохи,
Коня-пахаря.*

Описывая свое бедствие, он говорит:

*С той поры я горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюся...*

В грусти своей он не забывает и о своей одежде: «Прошла моя золотая пора», – говорит он, —

*До поры, до время
Всем я весь изжился,
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!*

Лихач Кудрявич рассказывает даже подробно, что когда приневолят выйти к старикам на сходку,

*Старые лаптишки
Без онуч обуешь.
Кафтанишко рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь.*

Все эти черты совсем не похожи на восклиц-

дания о тоске, о грусти, какие встречаются очень часто в песнях, сделанных другими сочинителями. И, несмотря на видимую простоту и отсутствие всяких поэтических прикрас, в песнях Кольцова несравненно более поэзии, чем в тех сочинениях, и потому именно, что в них более правды. Люди, которые в них изображаются, ближе к нам по своему положению и по своим чувствам. Мы видим, что они в самом деле живут, радуются и страдают, понимаем и причины их веселья и горя, – и поэтому их жизнь, их чувства производят на нас гораздо сильнейшее впечатление, нежели жалобы выдуманных лиц, плачущих так себе, от нечего делать.

Точно так же и описания природы у Кольцова вполне верны и естественны. Он не придумывает скалистых берегов, журчащих ручейков, прекрасных лесов с расчищенными дорожками и т. п., как это очень часто делалось многими сочинителями. Он описывает именно то, что он видел и знает: степь, ниву, лес, деревню, летний зной, осенние бури, зимние вьюги, и представляет их именно так, как они бывают в природе. Таких картин при-

роды у него чрезвычайно много рассыпано в разных его стихотворениях.

Некоторые привели мы выше, напр. описание степи. Другие можно видеть в стихотворениях, помещенных в конце этой книжки, особенно в «Урожае», «Песне пахаря», «Что ты спишь, мужичок», «Светит солнышко» и др.

Кроме умения изображать природу и жизнь, не искажая их, – у Кольцова есть еще важное достоинство: он понимает предметы правильно и ясно. Не просто он рассказывает то, что случилось видеть ему; это была бы пустая болтовня. Нет, он думает, о чем ему говорить и что говорить – в его стихотворениях всегда есть мысль. Все изображения предметов и людей служат у него только для объяснения или для лучшего выражения главной мысли. У него нет ни одного стихотворения, которое просто, без всякого толку описывало бы что-нибудь; а у других это часто бывает, Услышит человек, что ветер воет, и пишет стихи, что вот, дескать, я сижу и слушаю, как ветер воет; увидит облака на небе, и пишет стихами, как он на облака смотрит; застанет его дождь на дороге – опять стихи готовы, что

вот я иду, а меня дождик мочит. У Кольцова не найдем таких стихотворений. И он, конечно, говорит и о ветре, и о солнце, и о буре; но все это у него приведено к чему-нибудь, а не само по себе стоит. У него везде является человек, и рассказывается о том, какое действие производит на него то или другое явление природы{11}. Так, в одном стихотворении у него старик при мысли о весне вспоминает о том, что ему недолго уже наслаждаться жизнью. В другом – весна разнеживает сердце молодых людей и пробуждает в них живые чувства. В третьем – весна возбуждает заветные, мирные думы поселян об урожае. То веянье ветра напоминает ему о дороге, и он поет:

*В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь мою дорогу —
Пылью покрывает.*

То он вызывает бурю, чтобы прикрыть бегство удальца:

*Подымайся, туча-буря,
С полуночною грозой!
Зашатайся, лес дремучий,
Страшным голосом завой!*

*Чтоб погони злой боярин
Вслед за нами не послал...*

То осенние ветры и туманы пробуждают в душе его чувство одиночества, и он грустно поет:

*Дуют ветры,
Ветры буйные,
Ходят тучи,
Тучи темные.
Не видать в них
Света белого,
Не видать в них
Солнца красного.
Во сырой мгле —
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...
В эту пору
Непогожую
Одному жить
Сердцу холодно...*

Таким образом, каждая картина, каждый стих у Кольцова имеет свой смысл, свое значение по отношению к человеку. Он старался еще глубже понять этот смысл, заключенный в природе, и в этом старании отыскать смысл

езде, во всем мире, состоит содержание его дум. Он говорит:

*Горит огнём и вечной мыслью
солнце,
Осенены всё той же тайной ду-
мой,
Блистают звезды в беспредель-
ном небе,
И одинокой, молчаливый месяц
Глядит на нашу землю светлым
оком...
...Повсюду мысль одна, одна
идея...
...Одна она – царица бытия...*

Он спрашивает, смотря на лес:

*О чем шумит сосновый лес,
Какие в нем сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?*

Он знает, что человек может и должен рас-
суждать, давать себе отчет обо всем, что со-
вершается пред ним в мире, потому что —

*Целая природа
В душе человека;
Проникнуты чувством,*

*Согреты любовью,
Из нее все силы
В образах выходят...*

Правда, эти стремления отыскать мысль в явлениях природы ни к чему не привели Кольцова. Он только уверился, что

*Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни,*

и не дошел до того, чтобы проникнуть в эту тайну. Для этого он был еще очень мало образован; думы тяготили его, как он сам признается:

*Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва...*

Впрочем, положительность Кольцова удержала его от так называемого мистицизма, т. е. от стремления находить таинственный смысл во всех даже самых простых вещах. Он возвратился наконец к своему простому, светлому взгляду на предметы, без лишних умствований и мечтаний. В этом отношении любопытно сравнить два его стихотворения. Одно написано еще в 1830 г., когда Кольцов совершенно незнаком был с высшими фило-

софскими вопросами.

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
В желанье счастья время трачу
И, вечно недовольный, плачу.
Чего ж ищу? к чему стремлюсь?
В какой стране, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желают
Вопросы эти разгадать;
Но что до них! Пусть, как хотят,
О всем серьезно рассуждают.
Я недоросль, – я не мудрец.
И мне нужнее знать немного;
Шероховатую дорогой
Иду шажком я, как слепец;
С смешным сойду ли – посме-
юсь;
С прекрасным встречусь – им пле-
нюсь;
С несчастным – от души поплачу,
—
И не стараюсь знать, что значу...

Здесь еще видна некоторая уклончивость; тон этого стихотворения напоминает тон русского мужичка, когда он с лукавым простоду-

шим говорит: «Где нам!.. Мы люди темные». Кольцов в этих стихах как будто бы хочет сказать, что он и приниматься не хочет за рассуждения, что он и знать не хочет вопросов, над которыми люди трудятся. Тут еще видно пренебрежение вообще к мышлению философскому.

Другое стихотворение написано уже в 1841 г., в последнее время жизни Кольцова:

*Не время ль нам оставить
Про высоты мечтать.
Земную жизнь бесславить,
Что есть иль нет – желать?
Легко, конечно, строить
Воздушные миры
И уверять и спорить,
Как в них-то важны мы...
Но от души ль порою
В нас чувство говорит,
Что жизнь земною
Нет нужды дорожить?
Темна, страшна могила,
За далью мрак густой;
Ни вести, ни отзыва
На вопль наш роковой.
А тут дары земные:
Дыхание цветов,*

*Дни, ночи золотые,
Разгульный шум лесов,
И сердца жизнь живая,
И чувства огонь святой...*

Здесь также поэт сознается, что бесполезно строить воздушные миры и мечтать про высоты; но теперь мысли его высказаны гораздо серьезнее; видно, что он восстает не против мышления, не против разума, которому так много был обязан, а только против злоупотребления ума, когда он пускается в мечтательные теории и отдаляется от жизни. Такую перемену произвело в Кольцове то время, когда он познакомился с высшими вопросами и хорошо передумал их. Его можно было бы сравнить в этом с алхимиком[1], который долго искавши философского камня, убеждается наконец в нелепости алхимии, но вместо нее обращается к истинной науке и делает в ней новые открытия. В этом случае даже и не совсем ясные, несколько мечтательные умствования все-таки не бесполезны были для Кольцова, приучив его ум к более серьезному взгляду на предметы и утвердивши еще более природную ясность и положительность его

ума. Так, если человек, совсем не имеющий понятия о чужих странах, отправится в них путешествовать, то получит пользу даже и тогда, если эти страны не покажут ему ничего особенно хорошего: по крайней мере чрез сравнение он научится лучше ценить свое родное, близкое к нему, и правильнее им будет пользоваться.

И Кольцов действительно умел воспользоваться всем, что было близко к нему. Он прекрасно понимал не только русскую жизнь, но и характер русского народа, и умел его выразить в своих песнях. Так, у него прекрасно высказывается широкий разгул русского человека, эта удаль, которая идет на все и которой все нипочем. Это можно видеть в пьесах: «Как здоров да молод», «Расчет с жизнью», «Дума сокола».

Весьма верно, вместе с удалью, выражается у Кольцова также и беззаботность, это заветное «авось», с которым идет русский человек навстречу и горю и радости. Песни Лихача Кудрявича совершенно в русском народном характере. Лихач Кудрявич не слишком любит рассчитывать: он,

*Что шутя задумал, —
Пошла шутка в дело,
А потрянул кудрями, —
В один миг поспело...*

По его мнению,

*Не родись богатым,
А родись кудрявым;
По шучью веленью
Все тебе готово.*

Так говорит он в счастье. Приходит беда — и тут он не изменяет своему характеру: он опять не рассчитывает, как помочь горю, как отворотить напасть, а покорно покоряется своей участи:

*Не родись в сорочке,
Не родись талантлив, —
Родись терпеливым
И на все готовым...
Зла беда не буря,
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору...*

От нее не уйдешь, так уж лучше и не хлопотать понапрасну... Зато —

*Как здоров да молод, —
Без веселья весел.
Без призыва счастье
И валит, и едет...*

Тут и заботиться не о чем: хлеба ли нужно,

*А там бог уродит,
Микола подсобит
Собрать хлебец с поля...*

Достатка ли надобно —

*Куда глянем – всюду наша степь:
На горах – леса, сады, дома,
На дне моря – груды золота,
Облака идут – наряд несут.*

Не нужно, впрочем, думать, чтобы сам Кольцов тоже так смотрел на вещи. Напротив, он и в поэзии, как во всей жизни своей, выражает убеждение, что нужно бороться с обстоятельствами и что беспечность непременно ведет к лени и усыплению.

Он обращается с укором к поселянину:

Что ты спишь, мужичок?

Он говорит своему другу:

*Что ты ходишь с нуждой
По чужим по людям?
Веруй силам души
Да могучим плечам...*

Если обстоятельства жизни слишком тяжелы для него, то он не падает духом, но смело идет —

*Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злостью долей переведаться.*

Он всегда готов к тому, —

*Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать...*

Его стремления всегда живы и сильны, и они почти всегда превосходно выражаются в его стихах. Как сильно, как естественно, как верно выражение мыслей и чувств у Кольцова — это можно видеть из приведенных выписок и еще более из чтения самых стихотворений его. Скажем здесь еще несколько слов о форме их. Песни Кольцова писаны особым размером, близким к размеру наших народных песен, но гораздо более правильным.

В них большею частью нет рифмы, а если и есть, то всего чаще через стих. Язык Кольцова совершенно простой, народный. Редко-редко можно встретить в его стихах книжное выражение, да и то большею частью в слабых его пьесах, которые писал он правильным, метрическим размером в первое время своей поэтической деятельности. Выражения народные встречаются у него часто; но формы везде почти правильные, принятые в литературе. Можно найти всего пять или шесть фраз неправильных, напр.: до время, задней головою и т. п. Но эти недостатки совершенно незначительны и нисколько не вредят истинным красотам поэзии Кольцова.

Теперь мы знаем главные события жизни Кольцова и важнейшие особенности его поэзии. Полнейшее знакомство с нею должно быть продолжаемо чтением его произведений. Мы же, после всего сказанного нами, можем прийти к следующим заключениям.

В поэзии Кольцова выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенных стремлений, тяжелых испытаний и благородных, чистых чувств. В ней виден его светлый взгляд на

предметы, умение понимать жизнь и природу, в ней, наконец, является живое, естественное представление вещей, без прикрас и без искажений природы. Все это – такие достоинства, которые делают стихотворения Кольцова весьма замечательными в нашей литературе. В них соединяются все условия, необходимые для поэтического достоинства, т. е. разумная мысль, благородное стремление и живое, глубокое чувство. Из соединения этих условий происходит та правдивость и искренность, которою отличается Кольцов как в изображении собственных душевных ощущений, так и в представлении предметов внешних. Это последнее достоинство получает особенную цену в глазах наших, когда мы вспомним, как редко являлось оно у наших писателей до Кольцова.

Оканчивая наши замечания о жизни и стихотворениях Кольцова, мы можем, кажется, в заключение смело сказать, что Кольцов вполне заслуживает наше внимание и сочувствие не только как замечательный простолюдин-самоучка, но и как великий народный поэт.

Примечания

Впервые опубликовано в издании «Чтение для юношества. А. В. Кольцов, его жизнь и сочинения». Издание книгопродавца А. И. Глазунова, Москва, в типографии Катков и К°, 1858, в 8-ю д. л., стр. 153 + III. (Цензурное разрешение В. Бекетова, С.-Петербург, 9 июня 1858 г.).

Текст Добролюбова, без заголовка и без имени автора, занимает стр. 1–120; далее следовал текст 17 стихотворений Кольцова с рисунками Иевлева в красках на вкладных листах, хромолитография В. Бахмана. Рукопись статьи не сохранилась.

Время работы над статьей о Кольцове устанавливается записью в дневнике Добролюбова от 6 февраля 1857 г.: «Во вторник пришел ко мне А. И. Глазунов, и мы условились, что я напишу книжку к 15 марта. В задаток получил я 25 рублей. Постараюсь пробную лекцию читать о том же. Глазунов – человек, должно быть, хороший (говорю это не как Хлестаков) и очень образованный, так, что на редкость между книгопродавцами». О необходимости

«к половине марта написать книжку о Кольцове», из которой «не написано ни одной строчки», Добролюбов упоминает в своем дневнике еще раз 12 февраля. Работа закончена была, однако, до срока, ибо уже 2 марта 1857 г. А. И. Глазунов известил Добролюбова о получении им рукописи, в которой он, учитывая возможные цензурные осложнения, предлагал заранее самому автору «сказать покороче о разбойничьих песнях, вычеркнуть о пьянстве и заменить слово *грамотей* другим», потому что «назвать так наших умников, прошедшего столетия некоторым наставникам и блюстителям нравственности покажется неуместным в книге, назначенной юношеству» (письмо А. И. Глазунова хранится в ИРЛИ АН СССР).

Книжка о Кольцове, заказанная Добролюбову, вышла в свет в той же серии, в которой напечатана была брошюра Н. Г. Чернышевского «А. С. Пушкин. Его жизнь и сочинения». СПб., 1856. Краткую информационную заметку о своей работе «А. В. Кольцов» Добролюбов поместил в «Журнале для воспитания», 1859, т. III, за подписью «Д – в». Краткую общую ха-

рактеристику Кольцова см. в статье Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы»: «В числе исключительных личностей, мало имевших влияние на литературное движение, нельзя забыть Кольцова и Лермонтова. Кольцов жил народной жизнью, понимал ее горе и радости, умел выражать их. Но его поэзии недостает всесторонности взгляда; простой класс народа является у него в уединении от общих интересов, только с своими частными житейскими нуждами; оттого песни его, при всей своей простоте и живости, не возбуждают того чувства, как, например, песни Беранже» («Современник», 1858, № II; то же см.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., в девяти томах, т. 2. М. – Л., 1962, стр. 263). Ценные наблюдения об особенностях критического отношения Добролюбова к фольклоризму Кольцова см.: П. А. Николаев. К вопросу о народности литературы в критике Н. А. Добролюбова. – «Филологические науки», 1961, № 3, стр. 114.

Книжка Добролюбова выдержала три издания: 2-е – 1865 г., 3-е – 1877 г. В специальных обзорах учебной литературы книжка Добро-

любова отмечена была дважды: в «Нашей детской литературе» Ф. Толля, СПб., 1862, стр. 149, как «водянистое и скучное рассуждение», а в анонимном «Систематическом очерке русской народно-учебной литературы», СПб., 1878, стр. 250, как «прекрасное чтение для юношества». Принадлежность брошюры Добролюбову обоим рецензентам осталась неизвестной.

Сличение биографического очерка «А. В. Кольцов», принадлежащего Добролюбову, со статьей о Кольцове, опубликованной Белинским в 1846 г., позволяет установить непосредственную связь работы Добролюбова с основными фактами биографии и литературно-критическими положениями статьи Белинского. Не восходят к Белинскому лишь вводные страницы Добролюбова «о русских людях из простого знания» и «о характере русских народных песен». Не названо в очерке Добролюбова самое имя Белинского, конечно, лишь по цензурным соображениям, ибо в пору издания книжки Добролюбова имя Белинского еще было под полицейским запретом.

В цензурно-полицейских условиях середины 50-х годов Добролюбов еще не мог назвать в числе современников Кольцова великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. Он сделал это лишь в 1860 г., рецензируя на страницах «Современника» новое издание «Кобзаря». Как утверждал Добролюбов, именно Шевченко, поэт, кровно связанный с крепостной деревней, может быть назван «поэтом совершенно народным», ибо «даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда удаляется от народа» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 6, 1963, стр. 142).

Наряду с биографическим очерком Белинского в тексте брошюры Добролюбова «А. В. Кольцов» заметны следы знакомства молодого критика со специальной рецензией М. Е. Салтыкова-Щедрина на новое издание книжки «Стихотворения А. В. Кольцова» (СПб., 1856), опубликованной на страницах журнала «Русский вестник» (1856, ноябрь, кн. 1, стр. 147–168).

Статья М. Е. Салтыкова, подписанная только инициалами ее автора («М. С.»), представ-

ляла собою развернутый литературно-теоретический документ, определявший критические и эстетические позиции великого сатирика. Подробнее об этой статье см.: В. Э. Боград. Литературный манифест Салтыкова. – «Лит. наследство», т. 67. М., 1939, стр. 281–314.

О ближайшем знакомстве Добролюбова со статьей Салтыкова свидетельствуют не только некоторые характерные строки брошюры Добролюбова (например, ее формулировки об особенностях отражения тех или иных явлений природы в лирике Кольцова в гл. VI его биографического очерка (см. далее, примеч. 10), но и точные цитаты из приложенных к статье Салтыкова воспоминаний Каткова о Кольцове (стр. 588–589 наст. издания).

Сноски

1

Алхимиками назывались существовавшие в прежнее время ученые, которые думали, что можно найти средство делать золото и составить напиток, который, сохраняя постоянно молодость и красоту в людях, мог бы продолжить жизнь их на бесконечные времена. С этой целью алхимики произвели множество опытов и составивших науку, называемую алхимией.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Стих из поэмы Пушкина «Полтава».

[^^^]

2

Перифраз строк о Ломоносове в замечаниях Пушкина о книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

[^^^]

3

Дата рождения Кольцова не 2-е, а 3 октября 1809 г.

[^^^]

4

Кашкин, Дмитрий Антонович (1793–1862) – воронежский книгопродавец и передовой общественный деятель. О его влиянии на литературное воспитание Кольцова см. в кн.: М. Де Пуле. А. В. Кольцов; СПб., 1878, стр. 18–19; сводку биографических данных см. в статье Ю. Г. Оксмана «А. В. Кольцов и тайное “Общество независимых”». – Сб. Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959, стр. 188–194.

[^^^]

5

Точное название книги, подаренной Д. А. Кашкиным Кольцову: «Русская просодия, или Правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений». М., 1808; изд. 2. М., 1814.

[^^^]

6

Добролюбов цитирует письма Кольцова здесь и далее по статье Белинского, приложенной к изданию «Стихотворения Кольцова». СПб., 1846.

[^^^]

Станкевич, Николай Владимирович, глава московского литературно-философского кружка, поэт, друг Белинского, родился не в 1809 г., как ошибочно отмечает Добролюбов, а в 1813 г.; умер в 1840 г. О нем см. позднейшую статью Добролюбова, опубликованную под названием «Николай Владимирович Станкевич» в «Современнике» 1858, кн. IV, отд. «Критика», стр. 145–166. Подробнее о знакомстве Кольцова со Станкевичем см. М. Барановская и Е. Хмелевская. Белинский и Кольцов в переписке А. В. Станкевича и Я. М. Неверова с М. Ф. Де Пуле; – «Лит. наследство», т. 56, 1950. стр. 280–300.

[^^^]

В сведениях о первых публикациях стихотворений Кольцова Добролюбов не точен, повторяя фактические ошибки статьи Белинского. Впервые три стихотворения Кольцова напечатаны были без имени автора, в книге «Листки из записной книжки Василия Сухачева». М., 1830. О политической биографии В. И. Сухачева и о его встречах в Воронеже с Кольцовым см.: Ю. Г. Оксман. – От «Капитанской дочери» к «Запискам охотника». – Саратов, 1959, стр. 160–202.

[^^^]

Журнал «Московский наблюдатель» издавался Белинским не в 1832 (явная опечатка), а в 1838 и 1839 гг.

[^^^]

Добролюбов пересказывает воспоминания М. Н. Каткова о его встречах с Кольцовым («Несколько дополнительных слов к характеристике Кольцова»), опубликованные Катковым в приложениях к статье М. Е. Салтыкова-Щедрина о новом издании «Стихотворений А. В. Кольцова» в 1856 г.

[^^^]

Эти строки Добролюбова непосредственно связаны со следующими заключениями статьи М. Е. Салтыкова о философии природы в лирике Кольцова: «Что природа хороша – Кольцов чувствует это более, нежели кто-либо другой, потому что ей он обязан лучшими, светлыми минутами своей жизни, она была его первою наставницей, она воспитала в нем ту свежесть сердца, которая, в свою очередь, заставила его симпатизировать всему доброму, прекрасному и истинному. Но, тем не менее, он совершенно верно угадывает, что как бы ни была хороша природа, она все-таки второстепенный член в искусстве, что все-таки прямым предметом искусства должен быть человек. Поэтому-то рядом с успокаивающими картинами сельской природы и жизни он вызывает иные картины, в которых эта же сельская жизнь является уже не в столь привлекательных формах <...>. Знакомство с этими картинами спасительно; оно не допускает нас расплываться в нашем стремлении к дешевому примирению с жизнью; оно, как

memento mori, вечно стоит на страже нашего чувства» («Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 306).

[^^^]

[^^^]